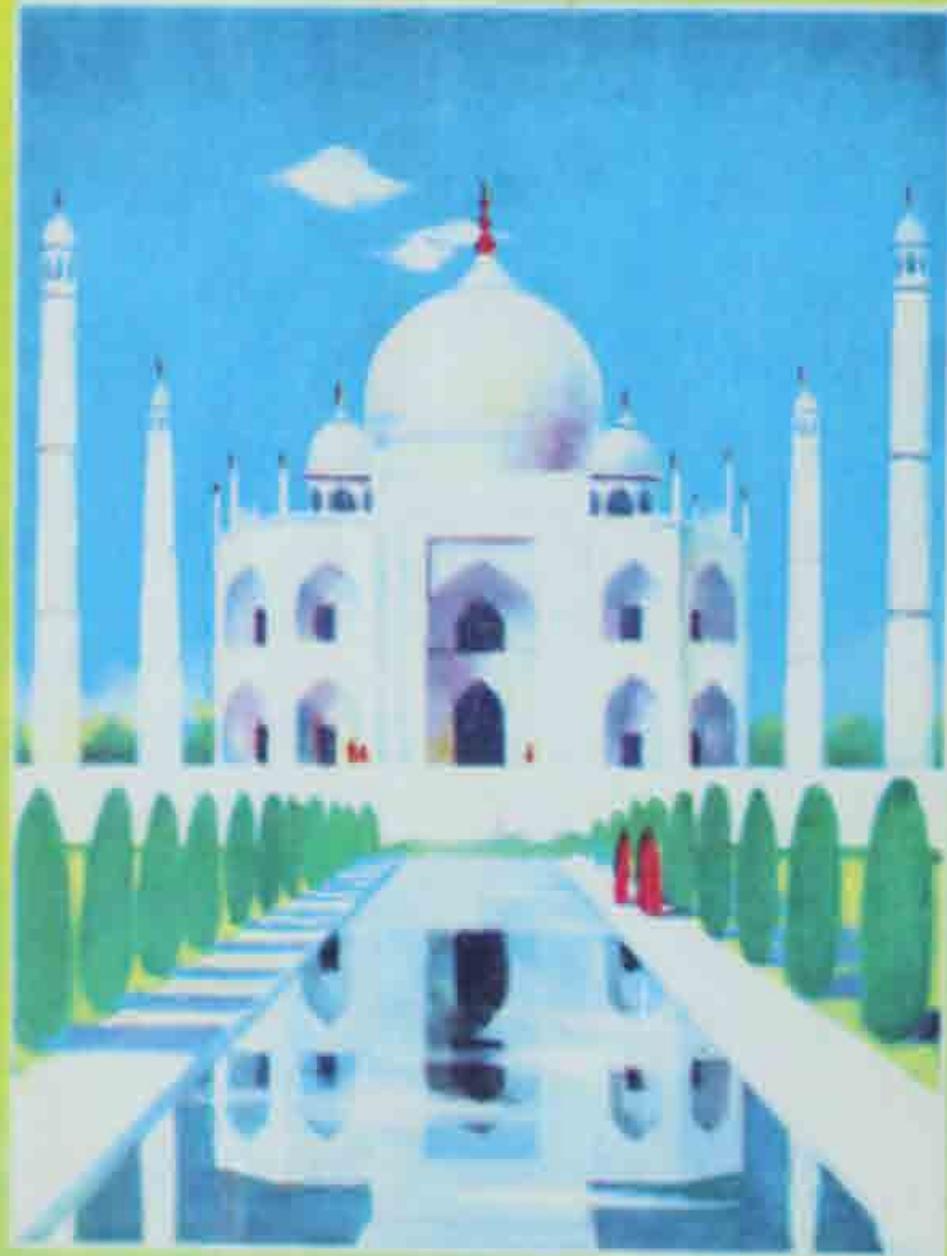
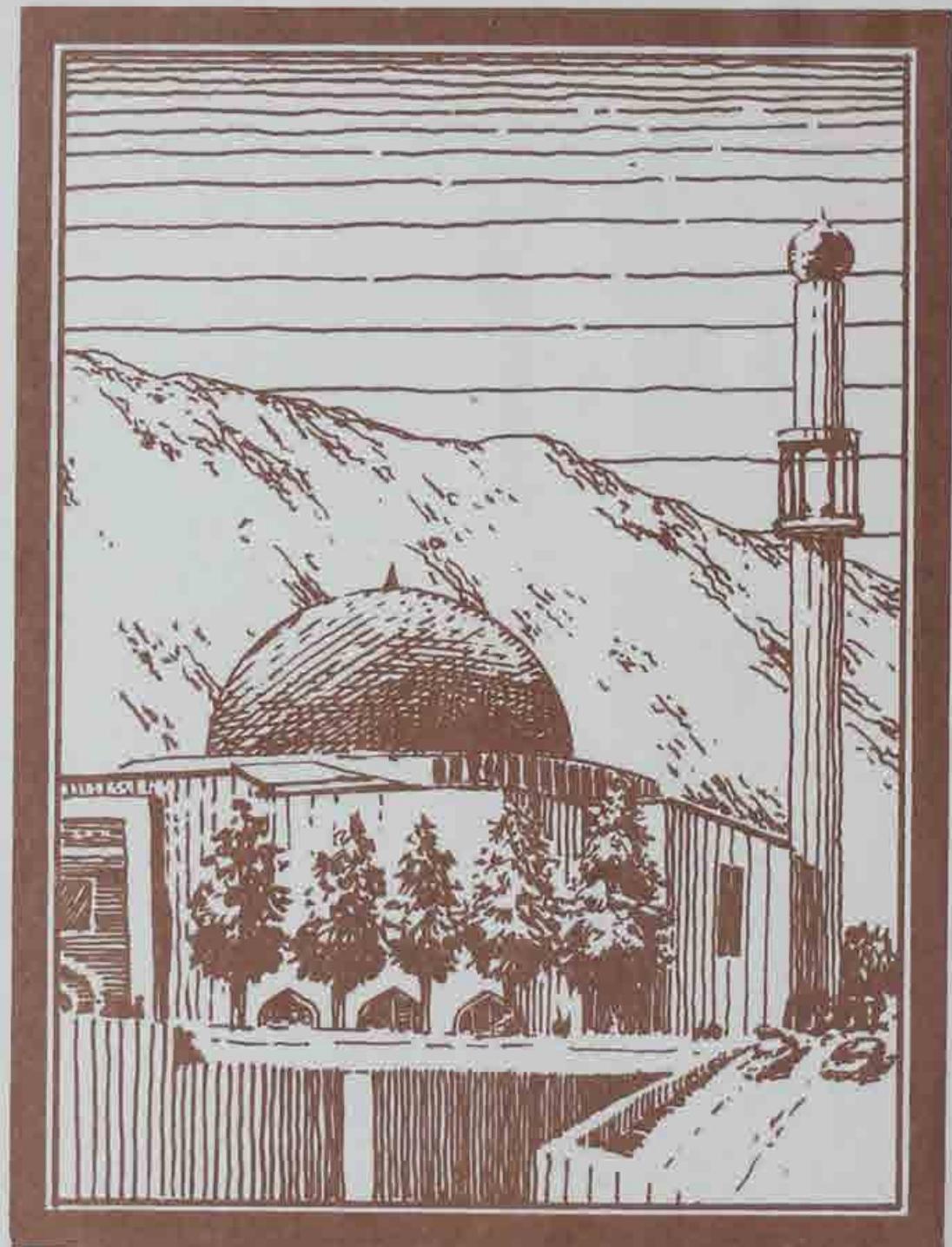

А. ШАМКЕНОВ

НАМАСТЕ,
ИНДИЯСТАН!

К232
Ш19

АМАНЖОЛ ШАМКЕНОВ

Намасте, Индиястан!

хр.

АЛМА-АТА «КАЗАХСТАН» 1983

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

254995

Шамкенов Аманжол

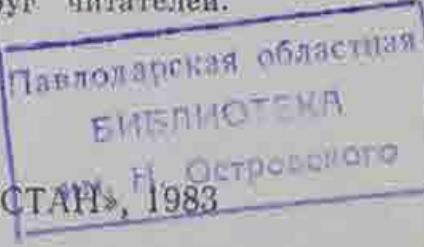
Ш 19 Намасте, Индостан! (путевые заметки и рассказы) /Пер. с казахского Л. Космухамедовой.— Алма-Ата: Казахстан, 1983.—112 с.

Автор, известный поэт и драматург, работает в жанре прозы. В издательствах «Жазушы» и «Жалын» выходили также сборники рассказов «Над волной», «Утро в степи». В настоящую книгу включены в основном зарубежные очерки автора. Он дважды посетил Индию, побывал в Ираке, Турции, Афганистане. Очерки сборника «Намасте, Индостан!», «Там, где течет Тигр», «Революционный Афганистан» и другие живо и интересно повествуют о простых людях Востока, об их заботах и мечтах.

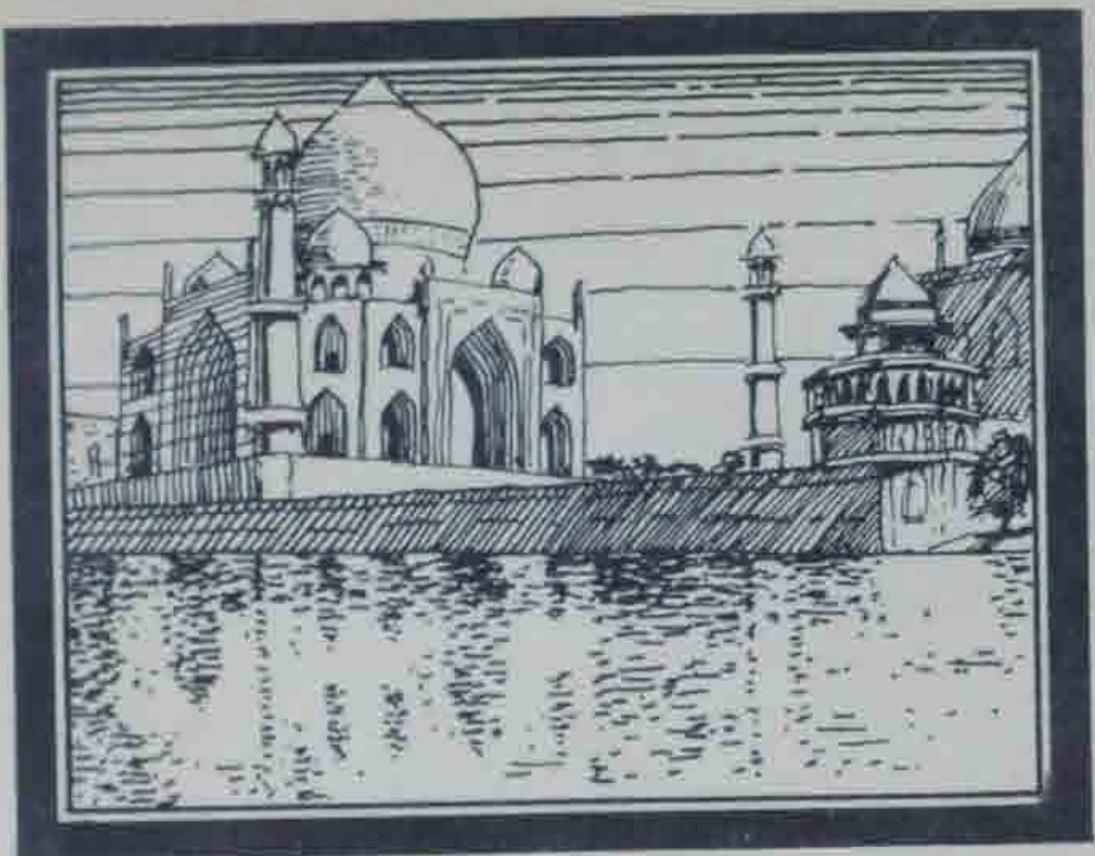
Рассчитана на широкий круг читателей.

Ш 0803000000—185
401(05)—83 58.82

(С) ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН», 1983

Каз 2

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Поводом, побудившим меня взяться за перо, послужил телефонный звонок. Корреспондент молодежной газеты, представившись, высказал пожелание, чтобы я написал о своей поездке в Индию...

Извинившись, прервал собеседника и объяснил, что под впечатлением поездки в Индию написал ряд стихотворений, которые опубликованы в республиканских газетах, но молодой — это чувствовалось по голосу — человек продолжал настойчиво:

— Все это нам известно. И тем не менее хотелось, чтобы вы поделились впечатлениями об этой древней стране...

Я призадумался. На то были веские причины. Об Индии рассказывали и раньше казахские писатели, начиная с Мухтара Ауэзова, его знаменитых «Индийских встреч».

Трудно, согласитесь, по-новому осмысливать общеизвестные исторические сведения. Отсюда и неизбежные повторения в публикациях подобного рода и, признаюсь, моя робость перед неожиданным предложением — изло-

жить впечатления, выпесенные из этой поездки, в прозе. Все же телефонный звонок заставил вернуться к путешествию. «Рискну» — решил я...

«Намасте» — по-индийски значит «здравствуй». «Намасте, Индостан!» Есть смысл в том, что именно так названа книга. Ее содержание составляют как бы три встречи с Индией, ибо одной поездки на эту удивительную землю с ее богатой историей, замечательными людьми, неповторимыми красотами пейзажа явно недостаточно для того, чтобы утверждать: «Я познал эту страну!» Наверное, у многих туристов возникла мысль: «Если бы побывать в этом краю еще!».

Уезжая из Индии, я не прощался с ней, просто сказал: «Намасте». И не зря. Судьба подарила мне еще две поездки, но об этом позже...

СТИХИ НА КАЗАХСКОМ

Когда Мухтар Ауэзов впервые совершил путешествие в Индию, он добирался до нее около недели. Прямого сообщения тогда не было, писателю пришлось обогнать всю Европу и Африку. Какой прыжок вперед, согласитесь, совершила современная техника за сравнительно короткий отрезок времени, если то же расстояние, на которое моему именитому соотечественнику потребовалось семь дней, я одолел на ИЛ-62 за семь часов! Перелетев через взметнувшиеся в небо пики Памира и величественные скалы горных Гималаев, мы с двадцатиградусного мороза в Москве попали в двадцатиградусное тепло Дели, побывав, таким образом, сразу в двух климатических поясах.

В нашей группе люди самых различных возрастов и специальностей, представители всех республик, много москвичей и ленинградцев. Среди нас есть врачи, архитекторы, художники, специалисты по иностранным языкам. Молодой узбекский учений доцент Азат Шаматов, как выяснилось, прекрасно владеет языками урду и английским. К тому же десять месяцев до этого он жил в Индии и знаком с традициями и обычаями этой страны. Спокойный и уравновешенный, интересный собеседник, Азат привлек мое внимание, и впоследствии мы подружились с ним.

Время нашего пребывания в Индии расписано, похоже, по часам и минутам. Это нам дали почувствовать в Доме советской культуры, куда мы явились после того, как устроились в гостинице.

Советские товарищи, пребывавшие на службе в Дели, не скрыли своей радости при встрече с нами, как же — истосковались земляки по родине... Они долго беседовали с нами, хотя время, строго спланированное, вынуждало нас поторапливаться.

Нашу делегацию разделили на небольшие подгруппы. Одну из них составили Азат Шаматов и я. Первый объект, куда мы направились, — колледж «Жамия мидия», готовящий учительские кадры. Перед входом в здание стояли, встречая нас, люди в белых дхоти. Они тепло, радушно приветствовали, провели внутрь.

Помещение, паромнившее студенческую аудиторию, заполнено народом. Пожилые и молодые, мужчины и женщины... Видимо, нас ждали.

Мы еще не успели отдохнуть после полета, в ушах стоял гул моторов, но график есть график. Мы понимали — не только для прогулок и отдыха прибыли сюда. Намечались встречи, беседы, во время которых предполагалось познакомить индийских друзей со Страной Советов, с нашими союзными республиками.

Так началась наша первая встреча с индийскими друзьями.

Сначала говорили хозяева — уважаемые педагоги колледжа. Были сказаны теплые слова о Советском Союзе, первой стране, построившей социализм, о давней советско-индийской дружбе. В адрес нашей Родины было высказано много добрых пожеланий, что не могло не волновать нас.

И вот подошла очередь говорить нам. У Азата Шаматова был подготовлен доклад на английском языке. Но через некоторое время он продолжил речь уже без «шинаргалки». Сотрудник Дома советской культуры, стоявший рядом, шепнул мне:

— На урду перешел...

Долго говорил Азат о нашей жизни, о советской культуре. Потом представил меня. Шаматов сделал знак подойти к нему поближе и объяснил, что присутствующие просят прочитать стихи на казахском языке. Признаюсь, ко всякого рода выступлениям был готов, но чтобы читать стихи на казахском в Индии... Это было

полной неожиданностью. Поэты, к сожалению, не утружают себя знанием собственных стихов напустить, за редким исключением, правда. Я такого исключения не составлял, и сборника стихов, как на грех, под рукой не было. Что же делать? Надо читать... и читать немедленно! Нетерпение аудитории вполне понятно: интересно ведь, как звучит музыка чужого языка... Мне вспомнилось одно стихотворение, которое я написал лет двадцать назад. О матери. Есть ли на свете уголок, где не почитали, не преклонялись перед нею?!

...Все сбудется, исполнится в свой срок —
Но не спит годами их тревога!
Эй, люди! Дайте матери дорогу,
Она ведь верность по земле несет!...

Азат тут же перевел эти строки. Громкие аплодисменты. Возможно, понравились стихи, как знать, но я радовался в тот момент одному, что не ударил в грязь лицом: вспомнил вовремя собственные стихи...

«В НЕМОМ ДУЭТЕ МРАМОР И НЕФРИТ...»

Проснулись в четыре утра от телефонного звонка. Для меня, признаюсь, не в новинку было засиживаться до рассвета — попадется в руки книга, от которой невозможно оторваться, или вдруг вдохновение посетит в неурочный час, так и не заметишь, как пролетит время. Но вставать в четыре — это уж, извините, не по мне. Леонид Мауриньш, молодой латышский художник, слышу, кинулся к трубке. «Да, да, спасибо!» — бросил он. Торопливое Леонидово «давайте поспешайте!» подстегнуло меня. Как же хорошо, что этот молодой беспокойный парень оказался соседом по комнате! Иначе мне ничего не стоило бы перевернуться на другой бок.

Улицы утреннего Дели непривычно тихи, лишь изредка, посверкивая спицами велосипедов, проносятся поднявшиеся спозаранку горожане. Куда они держат путь в такой час — неизвестно. Встречаются и пешеходы. Головы обмотаны не то шарфом, не то платком, простоволосых здесь увидишь редко. Для постороннего человека картина довольно-таки любопытная — одеж-

ды, можно сказать, никакой — вместо нее ткань, которую обворачивают вокруг тела, ноги босы...

Рассвело, когда мы взлетели. Разница во времени с Алма-Атой незначительная, всего-то полчаса. Самолет компании «Айр-Инднан» не успев подняться в воздух, пошел на посадку. Казалось, один миг — и мы в городе Агре. Не зная, как чувствовали себя в эту минуту другие туристы, но я разволнился. Ведь слово «Агра» ассоциируется в сознании с воспоминаниями о династии Великих Моголов. Стоит услышать — Агра, так глазам представляется знаменитый Тадж-Махал, считающийся одним из семи чудес света. Мне, стало быть, представляется возможность увидеть это чудо. Как же не биться сердцу! .

Об истории этого города довольно обстоятельно повествует Мухтар Ауззов в своих «Индийских встречах». Мне не хочется повторяться. Коротко могу привести лишь следующие данные: в середине XVI века внук Хромого Тимура Бабур с небольшим войском захватывает северную часть Индии. Власть чужеземцев распространяется в основном на Агру и Делийский султанат. Возводятся мощные укрепления, пышные дворцы. Потомки Бабура — Хумаюн, Акбар, Джакхангир, Шах-Джакхан и другие впоследствии царствуют здесь один за другим. Их владычество продолжается трехсот лет. Каждый правил по-своему. Проведенная ими централизация управления, а также политика привлечения на сторону завоевателей индусских феодалов и купечества способствовали дальнейшему развитию Северной Индии. Соперничество, зависть, корысть были характерны для их взаимоотношений. Случалось, что благородное уступало место ялчности, добро — злу, честность — несправедливости.

Агра — древний город, который стал родиной и многих гениальных открытий, в нем жили и творили одаренные люди, оставившие бессмертное наследие.

Многие памятники здесь обязаны своим существованием правительству Джакхангира, преемнику Акбара. По сведениям историков, это был веселый, жизнерадостный человек, питавший страсть ко всякого рода зрелищным мероприятиям, потому, препоручив правление окружной живе, он целиком отдавался любимому занятию, Жена Джакхангира — Нурджакхан — была тонким энтомологом искусства. В куполообразной усыпальнице, называемой

Быбитаж, где были захоронены ее родители, Нурджахан сама разрисовала стены, использовав традиционные местные орнаменты (изваяния коней, фигуры танцовщиц, музыкантов).

Мы поднялись паверх, где увидели еще два захоронения, по внешнему виду почти не отличающиеся от первых. Это своеобразное кладбище, которое, как нам объяснили, принято называть «Малый Тадж-Махал» или «Тадж-Махал в миниатюре».

В Агре созданы ярчайшие образцы могольской архитектуры Индии: «Жемчужная мечеть» (белый мрамор, 1646—1653 гг.), крепость Агра-форта с дворцом Джахапгира, которые расположены на берегу реки Джамни. Они окружены водой. Дворец изумляет своим убранством. Множество фонтанов, прекрасный сад. В верхней части крепости — широкая площадка. Здесь царь вручал награды доблестным воинам, вернувшимся с победой. Трон его величества, предназначенный для отдыха, напоминает по форме парус.

Все отсюда просматривается, как на ладони. Далеко, на другом берегу Джамни, вырисовывается белый купол, напоминающий плывущего по воде лебедя. Он заинтересовал меня. Азат в ответ на вопрос утвердительно кивнул: «Да, это Тадж-Махал». Теперь стало понятно, почему это великолепное сооружение поэты сравнивают с лебедем.

Много других достопримечательностей увидели мы с утра, в каких только уголках города ни побывали и, наконец, вот он, Тадж-Махал — величественное сооружение! Искусство пластики средневековья достигло вершины в этом грандиозном комплексе с его многоколонными рельефами, отмеченными острым драматизмом образов, динамикой сложных композиций. Мы прошли в красные ворота, и купол Тадж-Махала ослепил нас — так, вероятно, представляется глазам изумленных гостей красавица-невеста, когда с ее лица на казахской свадьбе убирают белую накидку...

При Шах-Джахане (XVII в.) в архитектуре нарастает декоративность, усиливается стремление к роскоши, излюбленным материалом становится мрамор, нередко инкрустированный самоцветами. Традиционные формы мавзолея были доведены до совершенства в беломраморной усыпальнице Тадж-Махал, кажется, само солнце бледнеет

перед ее красотой. Она завораживает глаз, «Шах-Джахан воздал должное Мумтазбеги, любимой жене!» — подумалось невольно. Не отсыхаю подробно сказочный Тадж-Махал, поскольку впечатления от него я уже передал в стихотворении «Мавзолей любви». Читатели, надеюсь, предстают совершенное умение мастера и величественную красоту гениального сооружения:

— Здесь обращалась женщина к супругу...
Я слышу голос:
— О мой владелин!
Мы небом предназначены друг другу,
Но вскоре ты оставишься один.
И так ответил женщина владыка:
— Бессмертный!
Сланет смерть в твоей судьбе!
Кто побывает в Индии великой,
Вовеки не забудет о тебе!
Что ж, время бег свой не остановило,
Но правду, волныша небеса,
Как лебедь, над оплаканной могилой
Плынет скончавши дни хрустальная краса...
Любви минувшей пристались все мы
На стылой глади распростертых плит,
Где продолжали искну позму
В немом душе мрамор и нефрит...

Тадж-Махал великолепен, как светило дня, стены покрыты золотой чешуюю, потолок украшен светозарными камнями. Мраморный пол скользок, как путь к величию. Посредине чертогов высокий фонтан падает в яшмовый бассейн и утоляет своею прохладой жажду и усталость.

ПРИЯТНОЕ ЗАСТОЛЬЕ

От Варанасийского аэропорта до города мы добирались довольно долго. Пока ехали в гостиницу, все мое внимание было поглощено мелькающей за окнами уличной жизнью. Высоких, многоэтажных домов здесь нет. Много вековой опыт каменного строительства сказался в величественных, органически сливающихся с природой дворцово-крепостных ансамблях. Жилые и общественные здания сооружены здесь в духе эклектики, в формах современных западно-европейских стилей. Рядом высится весточки в местных традициях народного зодчества, отличающихся необычайным разнообразием. Вместе с тем типичным для жилища всех районов Индии является рас-

положение помещений вокруг внутреннего открытого двора. Старые гражданские постройки в этом городе не сохранились, так как они сооружались, главным образом из недолговечных материалов: дерева, кирпича, тростника и глины.

На окраинах продолжают тесниться лачуги рабочих и городской бедноты.

Мы больше стоим, чем продвигаемся. Правила уличного движения, за редким исключением, соблюдаются здесь не очень строго. Отдельные ловкачи-водители, пользуясь моментом, вырываются вперед и потом весьма неохотно уступают дорогу. На одном из перекрестков мы задержались надолго. Машины старательно объезжали растянувшуюся прямо на асфальте корову. И сразу вспомнилось, что корова — священное животное в Индии, почему же тут было удивляться?

После того, как устроились в гостинице и передохнули немного, мы начали свое знакомство с достопримечательностями Варанаси. В городе много памятников древности. Когда-то он был крупным центром индуизма, буддизма, местом паломничества к священной реке Ганг. Возник, по-видимому, около VII в. до нашей эры. Известен также под названием Каши (в древности) и Бенарес (примерно с X—XII вв.). До сих пор в этом городе сохранилась знаменитая каменная лестница с местами для религиозных омовений и кремации индусов. Две с половиной тысячи лет назад, по сказаниям, Будда именно здесь огласил свои первые пророческие заповеди. Свидетельство тому — остатки минарета на самом высоком холме.

Известно, что у индусов в древности был могущественный правитель Ашока из династии Маурья, который господствовал почти над всем государством. Он в свое время создал сильный административный и военный аппарат, принял буддийскую религию. Мы побывали в его владениях. Разумеется, вместо дворца сейчас — полуразрушенные стены и столбы-опоры. Символ царя Ашоки — три львиные головы, обращенные в разные стороны. Они устанавливались на столбах-опорах. Ныне находятся в археологическом музее.

Одной из заповедей Ашоки была «Не убивай ничто живое!», которую индузы до сих пор соблюдают строго.

В старом Варанаси с узкими извилистыми улочками около 1500 храмов. В одном из них наше внимание привлекли многочисленные изваяния бога Шивы. В Индии

особо почитаются три бога — Брахман, Вишну и Шива. Последний и наиболее популярен. Его еще называют тысячуруким. Он — всемогущ. Он — покровитель искусства, поборник добра и зла. Бог, надо сказать, цепостоян в своих увлечениях. Об этом как бы свидетельствуют изваяния: в его вытянутых руках самые различные предметы. Храм Шивы — просторный дворец из белого мрамора. Когда мы, сняв обувь, вошли туда, над самой головой раздался звон колокольчика. Оказалось, прихожане, прикасаясь к нему, как бы оповещают бога о своем появлении, то же самое они делают уходя.

Как только наша группа оказалась в длинной, красивой, напоминающей фойе театра, прихожей, неведомо откуда послышалась музыка.

Мы стали подниматься. По пути ознакомились, если можно так выразиться, со всеми вехами жизни бога Шивы. Крохотные молельни... В центральной — его скульптура, сложенная из драгоценных каменьев. Затем направились в сторону, откуда раздавались поразившие нас при входе звуки. Служители храма и посетители тоже, как и мы, босиком. Непривычное ощущение — сырость пробирает ступни. Но и спешить нельзя — не приличествует человеку, вступившему в храм, особенно гостям, проявлять нетерпение.

Загадочные звуки, как выяснилось, издает инструмент, напоминающий по форме обычную свирель. Играли на ней слепой старец. Люди окружили его. Музыканту бросали звонкие монеты.

Мелодия, широкая, полнозвучная. Невозможно было не听听. По бесконечной форме напоминает казахскую хиссу. Не хотелось уходить, не дослушав...

О чём же рассказывает людям слепой музыкант? Мелодия, сказали нам, превозносит бога Раму. Сочиненные по такому образцу композиции — крупные произведения, исполнение которых длится часами, ритм — наиболее ярких и характерных элементов индийской музыки.

В Варанаси мы посетили и храм обезьян. Повидимому, в далеком прошлом на этом месте стоял девственный лес, остатки которого сохранились до наших дней. И здесь есть свой бог, которого также оповещают колокольчиком о прибытии.

Обезьяны, которых большинство из нас привыкли обозревать лишь за железными решётками, разгуливали

здесь свободно, прыгая с ветки на ветку. Рябило в глазах от их множества. Нас предупредили — не дразнить обезьян, не вызывать в них отрицательных эмоций, и мы вели себя по принципу: «Ты не трогай меня, а я — тебя»...

Незабываемой осталась для нас встреча, состоявшаяся во дворе Варанасийского университета. До этого мы были на приеме у ректора, профессора Шришали. Добро, открытое, как у всех индийцев, лицо, приветливый взгляд... Он вышел нам навстречу и, явно нарушая традиции своей страны, пожал каждому руку. Настолько не-принужденно вел себя профессор, что разговорились, как давние знакомые. По специальности Шришали — философ. Ранее был министром просвещения. Высшее учебное заведение, которое он возглавляет, — один из пяти университетов Индии. Здесь обучается около семи тысяч студентов.

И вот мы в храме науки во второй раз, но уже не в кабинете ректора, а во дворе, окруженному высокими стенами.

Университетский комплекс — своего рода городок. Каждый факультет располагается отдельно — двухэтажные красивые здания. Рядом находятся общежития.

Нас встретила группа людей во главе с господином Шришали. Собрались в основном преподаватели университета, присутствовали и студенты. Из последних рядов неожиданно вырвались несколько человек и устремились к Азату Шаматову, приветствуя и нас. Оказалось, что это — узбекские студенты, проходящие практику по языку хинди в Варанасийском университете.

Ректор представил нас собравшимся. Он долго и вдохновенно говорил о дружбе двух великих стран — СССР и Индии. По тону, по жестам, по тому, как смотрел, не трудно было убедиться, что профессор с большой симпатией относится к Советскому Союзу, является истинным его другом. За несколько дней, проведенных здесь, мы убедились: неудержимо новое вторгается в жизнь современной Индии. Народ страны миролюбив и дружелюбен. И подтверждение этому — проникновенная речь ректора университета о свободе, независимости, которые обрело государство. Огромна любовь индийцев и к советскому народу.

Сумерки стущались быстро, и нам пришлось проститься с новыми знакомыми. Но лишь собрались уходить, как

нас опять окружили те же узбекские студенты, приглашая посмотреть здание, в котором они живут. В их глазах светилась такая тоска по родине, что мы не смогли отказать юным землякам и вскоре оказались в студенческом общежитии, своего рода коттедже из трех уютных комнат.

Всего из Узбекистана в них живут семь человек, трое юношей и четыре девушки. Частенько захаживают к ним и две русские девушки, преподающие родной язык в университете. Пряятно было видеть молодых людей, объединенных одним большим чувством — любовью к Родине,

Очень скоро перед нами появился исходящий паром аппетитный плов.

За столом было веселым, с шутками и смехом. Мы немного засиделись, забыли, что находимся далеко от родной Отчизны. Только гудок машины с улицы — это ребята вызвали такси — напомнил о том, что надо еще добираться до гостиницы.

— Пряятно мы тут посидели! — сказал Азат в заключение.

— И не говорите, — подхватили студенты. — Мы будто с родными увиделись, с друзьями!

— До встречи дома! — попрощались мы.

Очень скоро уютный университетский городок растворился в бархатной почте Варанаси.

СУМИТА И МОДАК

О Калькутте слышали мы много и давно. Во-первых, по численности населения, согласно последней переписи, этот город занимает первое место в Индии, во-вторых, — это родина великого представителя мировой литературы — Рабиндраната Тагора. Велико воздействие его творчества на литературу всех народов этой страны. Стихотворение Тагора «Душа народа» стало национальным гимном государства. Кто не восхищался его гением, читая поэтические сборники, исторические романы.

Книга стихов «Памяти», «Дитя», «Паром» пронизаны скорбью, вызванной смертью отца, жены и сына. Во время подъема национально-освободительного движения, усилившегося после раздела Бенгалии в 1905 году, поэт стал одним из его руководителей, издавал общественно-политический журнал «Бхандар». Когда движение вышло за рамки пассивистской борьбы, Тагор ото-

шел от него и обратился к просветительской деятельности.

Сочинения Рабиндраната Тагора, переведенные на русский язык, вызвали отклик в России еще в предреволюционные годы. Большинство критиков толковало его творчество в духе модных воззрений теософов и поэтов-символистов: отмечались жизнелюбие и национальный характер произведений писателя. После Великой Октябрьской социалистической революции интерес к его творчеству возрос. А. В. Луначарский писал: «... Произведения Тагора, несмотря на присущий им пантенетический мистицизм, так полны красками, тончайшими духовными переживаниями и поистине великодушными идеями, что составляют сейчас одно из сокровищ общечеловеческой культуры».

Достопримечательностями Калькутты являются замечательный мост, университет — крупнейшее высшее учебное заведение страны, калькуттские «сундарбаны» — лучшее место для охоты с «читту» — охотничими леопардами.

И по территории Калькутта — один из крупнейших городов на земном шаре. Из аэропорта до центра мы добирались более часа. И чем ближе были к нему, тем чаще нам попадались красивые многоэтажные здания. Гид, сопровождавший нас, объявил: «Теперь следуем по улице Ленина...».

Центральная улица города. Все прогрессивные люди мира верят в незыблемость идей великого Ленина, мечтавшего о счастье и равенстве народов на земле. И вот — улица Ленина в Индии...

Накануне отъезда сюда я написал стихотворение о проспекте Ленина в Алма-Ате. Главная мысль его такова: «Шар земной очень скоро станет одной улицей Ленина...». Центральная улица Калькутты как бы утверждала меня в правильности сделанного заключения, и я обрадовался этому.

В поездке по другим городам мы испытывали определенные трудности в смысле знакомства с достопримечательностями из-за того, что гид говорил по-английски. Пока переводили на русский, уже успевали проехать те объекты, о которых шла речь. Гид в Калькутте хоть и не блестяще владел русским, но его познаний в языке было вполне достаточно, чтобы в необходимый момент, обратить внимание на соответствующий объект. Туристы были

благодарны ему за чуткость, искреннее желание помочь в знакомстве с крупнейшим городом Индии.

— Узнаете, наверное? — сказал Модак и заулыбался интригующе.

Как же не узнать?! Запечатленный в граните облик великого человека, с которым связаны самые возвышенные и чистые помыслы с того дня, как только начинали осознавать себя, Ленин. Он протянул вперед руку... «О!» — невольно вырвалось у нас. Вся наша любовь к вождю, гордость выразились в этом коротком, приглушенном «О!». Сколько монументов королям и генералам видели до сих пор, но самое большое впечатление произвел на нас вот этот гранитный памятник вождю мирового пролетариата. До чего родным и близким показался нам Ильич!..

Этот неоценимый дар — работа известного советского скульптора Марка Донского — был сделан советским правительством индийскому народу в 1970 году в ознаменование 100-летнего юбилея Владимира Ильича Ленина. Гостиница, в которую нас привезли, располагалась неподалеку от памятника, так что мы имели теперь возможность каждый день видеть дорожной образ.

Еще один примечательный факт. Нет на земном шаре ни одного населенного пункта без детей. Калькутта не исключение в этом отношении, более того, здесь детей очень много, играют они прямо на улицах, из-за чего транспорт вынужден порой останавливаться. Шофер дает гудки, но тщетно, ибо в конечном счете все решают сами ребята. Кто из нас в детстве не испытывал азарта и воодушевления игр, когда забываете все — и окрики взрослых, и зов на обед.. Но хорошо, когда есть где забавляться. Мальчикам и девочкам Калькутты, как нам показалось, негде отвести душу, кроме как на проезжей части улиц, которые к тому же узкие. Возводимые детьми всевозможные баррикады из камней, из-за которых они «обстреливают врага», — буквально бедствие для транспорта. Водители оглушают ребятишек громкими гудками, а те лишь машут рукой: погодите, мол... Вот и стояишь, потому что обехать баррикады невозможно. Движение возобновляется, когда они, наигравшись, разбирают свои сооружения и открывают дорогу транспорту. Подобная картина на всем пути нашего следования по городу повторялась несколько раз. Не менее удивительно и отношение местных водителей к подобному факту: они, видимо,

привыкли к нему. С терпением, которому можно позавидовать, наблюдают взрослые за детьми.

Вот такой узкой, павлистой из-за мальчишеских препятствий проехали мы к дому Рабиндраната Тагора. Широкий двор утопает в зелени. Там и тут расположились молодые люди и читают.

Дом великого писателя и поэта — и музей и университет. Здесь, как нам объяснили, дополнительно к другим действуют факультеты пения, танца и изобразительного искусства. Тагор был просвещеннейшим человеком своего времени, всесторонне одаренным. Помимо основной своей деятельности, он увлекался музыкой. Вспомним его музыкальную драму «Гений Вальмики», которая сочетает в себе индийские национальные мелодии с ирландскими народными мотивами. А когда великому мастеру слова перевалило за семьдесят, он взял в руки кисть и стал рисовать. Живописные и графические произведения Рабиндраната Тагора, исполненные в свободной манере, созерцательно-философские (нередко возвышенно-трагические) по настроению оказали заметное влияние на развитие индийского искусства XX века.

В доме, который мы посетили, родился, жил и творил великий Тагор. У самого входа — его бюст, дар Индо-советского культурного общества, пренебреженный индиянцами.

Когда мы спускались вниз, осмотрев второй этаж дома Тагора, отведенный под музей, Модак кого-то оживленно окликнул. В центре двора была площадка, напоминавшая очертаниями букву «П», где несколько девушек играли в тенице. Одна из них, высокая, худощавая, с живыми черными глазами на круглом лице, отделилась от подруг. Голубое сари очень шло ей. Улыбнувшись, попрасски поздоровалась с нами. Потом они с Модаком обменялись несколькими словами на родном языке, и девушка утвердительно кивнула молодому человечку. Модак, обрадовавшись, представил ее:

— Это моя знакомая, которая будет вас сопровождать. Известная певица Калькуттского радио. Зовут ее Сумита.

Появление такой очаровательной девушки, да еще и певицы, внесло заметное оживление в наше общество. В автобусе познакомились с Сумитой более обстоятельно. Учится в университете Тагора. Изучает русский язык.

Судя по тому, как изысканется, она достигла в этом немалых результатов.

— Сейчас Сумита споет нам бенгальские песни, — сказала через какое-то время Модак. Певица взяла в руки микрофон.

Мелодия началась спокойно, на низких тонах, потом стала набирать высоту, изломавая легкое покачивание на подиуме — то опускаясь вниз, в пучину, то взмывая вверх, на гребень. Песня брала за живое, хотя, возможно, не последнюю роль здесь сыграло и исполнение. За время пребывания мы уже привыкли слышать по радио, телевидению индийские мелодии. Но когда исполнительница сидит рядом и видишь ее воочию — восприятие совершенно иное. Хочется присоединиться к ней — настолько проникновенно, задушевно она поет. Сумита обворожила нас окончательно. Стояло девушке остановиться, мы начинали дружно хлопать. Каждая мелодия в ее исполнении своеобразна, необычна, ни одна не повторяет другую.

Модак, между тем, поочередно оглядывая нас, как бы спрашивая: «Ну как?...» Чувствовалось, что молодому человеку нравится эта интересная девушка. Вполне естественно, он ждет, когда Сумита закончит университет. В условиях современной Индии девушке трудно совмещать учебу с замужеством. В общем-то и свадьба — очень ответственный и сложный момент в жизни молодых людей. Для родителей невесты, в частности, — это превеликое испытание, особенно тем, кто не отличается особым достатком, потому что замужество здесь связано с большими расходами в семейном бюджете. По этой причине приданое невесты начинают готовить с того дня, как девочка рождается...

После того, как Сумита исполнила несколько песен, Модак сказала:

— Она и по-русски поет...

Не успели его слова потонуть в громе аплодисментов, как девушка запела «Подмосковные вечера». Вдали от родного очага наша, советская, песня показалась до боли близкой. Только сейчас почувствовали мы, как истосковались по родине. Не выдержав, присоединились к певице...

С закатом солнца вернулись в гостиницу. В знак благодарности я приколол Сумите значок с изображением Алма-Аты. Моему примеру последовали и другие.

Назавтра предстоял поход в ботанический сад, который, как нам сказали, был далеко от гостиницы. Каково же было наше изумление, когда в автобусе снова увидели Сумиту! Ее появлению все искренне обрадовались, поскольку надеялись, что снова услышим песни. На девушке теперь было желтое сари. И Модак сегодня — в национальной одежде, дхоти. Белый цвет оттеняет правильные черты его лица, и оно нам показалось еще красивее.

Ботанический сад располагался на противоположном берегу Ганга, разделявшего город на две половины. Вдоль оросительных каналов повсюду растут фикусы, дерево манго, некоторые виды пальм — финиковая, кокосовая, бетельная, а также бамбуки. В целом сад состоит из невысоких, но густых, вечнозеленых кустарников. Богато представлены элементы бенгальской флоры. Впервые я увидел здесь воспетый в восточной поэзии лотос! Белый цветок размером с ладонь, покачивающийся на глади озера... До сих пор думал: лотос бывает только белый. Но стоило пройти чуть дальше, как нашим глазам представила другая часть озера — ее будто выкрасили в красный цвет. От лотоса словно исходит сияние, благодаря которому окружающий ландшафт обретает особую прелесть.

У казахов есть присловье: «Один кирпич — не крепость, одно дерево — не лес». В Индии я увидел дерево, опровергающее вторую часть пословицы. Называется оно баньян. Это, как мне сказали, самое большое дерево на земном шаре. Смотришь на него, и создается впечатление, будто здесь не одно дерево, а несколько, только идут они от одного корня, причем в одном направлении — строгий рядок нескольких, параллельно тянувшихся кверху стволов. Масса веток и ответвлений, которые то стелются к земле, то вновь поднимаются вверх. Трудно определить, где тот или иной сук берет свое начало.

Чудес, говорят, на свете много. Меня поразило еще одно дерево. Его своеобразие — в листьях, которые очень различны по рисунку. По одному листочку, например, мы можем определить сразу — тополь, лиственница или дуб. У этого феномена природы листья не похожи один на другой. Если один, скажем, плоский или круглый, то второй — овальный, третий — квадратный, четвертый — треугольный, словом, самых причудливых форм и очертаний. Ствол, как ни странно, один. Потому,

возможно и называют это чудо природы — «дъявольское дерево», «сумасшедшее дерево».

На обратном пути из сада Модак обмыл нам:

— Я вам почитаю стихи Тагора.

Мы переглянулись: видимо, решил дать передышку Сумите.

В руке у Модака оказалась небольшая красная книжка. Чтение его совершенно не походило на декламирование. Это была песня, исполняемая наречием, речитативом. Жаль, языка не понял, и тем не менее мы были счастливы, что довелось услышать Тагора на его родном наречии.

Интересной была наша встреча со студентами Калькутского университета. Юноши и девушки внимательно слушали рассказы о жизни в Советской стране, о ее молодом поколении. Много задавали вопросов и о советской литературе. На них мы постарались дать подробные и обстоятельные ответы.

Необыкновенно богат археологический музей в Калькутте. Рядом с каменными изваяниями стояли мумии в стеклянных гробницах. А сколько прекрасных изделий из слоновой кости! Здесь же древние рукописи — тибетские, центральные, фарси, образцы рукотворчества индийских мастеров.

Познакомились и с членами Азиатского общества, президент которого, как выяснилось, недавно до нашего приезда в Индию посетил Советский Союз и теперь приглашал в гости посланцев дружественной страны.

Само общество — чрезвычайно интересная организация. Это своего рода центр по изучению древней культуры. Его члены — специалисты по археологии, истории, филологии, языку фарси. Мы побывали в кинотеатре общества. Книги и рукописи, запечатлевшие тайны древности, хранятся запечатанными в нестораемых железных цилиндрах. Можно только вообразить, какими интереснейшими сведениями они могли бы одарить нас.

Встреча с членами общества из всех мероприятий в Калькутте была последней. Наш дальнейший путь лежал в Бомбей.

Мы поднимались в воздух, полные впечатлений о Калькутте, древнейшем городе Индии...

ИСТОРИЯ В БОМБЕЕ

В Бомбей прибыли ночью. Еще когда шли на посадку, я заметил любопытную картину: бесчисленные огни, рассыпанные, точно бусинки, внизу, под крылом самолета, будто срезаны по краю гигантскими ножницами, дальше — черная пучина. То же самое и с другой стороны. Только при въезде в город становится ясно, почему Бомбей так смотрится с высоты, — со всех сторон омывает его Аравийское море. Бомбей расположен на острове. Объятия моря не смыкаются полностью на спине исполина, и остается небольшой черный промежуток между пальцами гигантских водных рук.

Сотрудник Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами член нашей делегации Геннадий Жижин не перестает удивляться. Он, оказывается, побывал здесь два года назад. Ночной город изумляет молодого человека большими переменами. Город активно наступает на море. Назавтра мы убедились в справедливости слов Геннадия Леонидовича. Так оно есть на самом деле — в единоборстве с морем победу одерживает город.

В Бомбее проживает более пяти миллионов человек. Своеобразие его архитектурного облика в том, что ни один дом не походит на другой. И дело тут не только в высоте возводимых зданий, но и в оригинальности их проекта, формы, орнамента.

Особенно величественна гостиница «Тадж-Махал». Издалека кажется, как бы вырастает из глуби моря сказочный терем. Таким мне представляется, например, дворец, выросший перед глазами пушкинского царевича Гвидона...

Бомбей — город резких контрастов. В этом мы смогли убедиться, побывав в самых различных его уголках.

Запомнилась башня Раджавой — своеобразный памятник, созданный сыном одного знатного человека в честь матери. Высота ее около восьмидесяти метров, на фасаде — часы. Башня напоминает знаменитую Спасскую в Москве, только эта кажется выше и изобилует многочисленными лепными украшениями.

Старая часть города в настоящее время — базар. Торгуют здесь преимущественно рыбой. Кстати, оживленная торговля характерна почти для всех индийских городов. В основном — это предметы мелкого обихода, укра-

шеник — браслеты, серьги, кольца, колье, различные инструменты, пригодные в домашнем хозяйстве, недорогие фрукты, яства. Тут же жарятся аппетитные тонкие лепешки. Стоит только пройти мимо, как тебя изօ-ребой подзывают многочисленные торговцы.

Быть и лавка. Продавцы, молодые люди, стоят прямо у входа и настойчиво приглашают зайти на минутку, окопно показывают вам все, что имеется в наличии. Откуда же им знать, что новое не за товарами приехали мы в эту большую, поражающую чудесами страну! Поблагодарив торговца за внимание, уходим. Но что им надо благодарить? Похоже, многих обидели своей нескромностью...

Рядом со зданием научного института, занимающегося исследованиями атомной энергии, находится открытая площадка, напоминающая набережную, со множеством источников. Вокруг — белым-белое! И как мы думаем, от чего? От белоснежных тканей, расстеленных прямо на земле или растянутых на опорах.

Мужчины стоят в ряд и опускают холсты в каменные корыта. Огромные рулоны разматываются прямо на глазах. Потом мокрую ткань выбивают чем-то. Этот процесс повторяется несколько раз. Поражаешься прочности этих тканей. Нам повсюду, что всем этим занимается специальная централизованная прачечная города — Даби. В далекой древности стирали подобным образом, и до сих пор продолжают привычное дело. До института, исследующего атомную энергию, рукой подать, в такое очутишись, будто между ним и этой уникальной прачечной несколько веков.

Побывали в Бомбейском музее. Созерцая его уникальные экспонаты, невольно думаешь: «Понятие нет предела возможностям творения человеческих рук и фантазии».

На катере держим курс к острову Элефант, что в переводе с английского означает Слон. Некогда португальские захватчики обнаружили здесь единственного слона, отсюда такое название. Остров по форме напоминает громадный кулак. Он давно стал одним из священных мест Индии, богат историческими памятниками, потому привлекает много туристов. И, как сказали нам, такое стоящее деревне на острове каждый день.

Местные жители издавна отдавали предпочтение и поклонялись известному в Индии богу — Шиве. И строи-

ли дворцы, монастыри с его изображением. Среди сохранившихся — наземный храм, вырубленный в цельной скале, обнаруженный еще в начале IV века. Это сооружение отличается особой ясностью тектоники и пространственностью решения. Идеей утверждения жизни и ее неисчерпаемости проникнуты сложные многофигурные рельефы на сюжеты преданий о Шиве на ограде и воротах-«торанах». Ядро этого храма, сложенного из тепсаного камня, составляет кубической формы святилище с внутренним помещением для божества.

Наш гид, молодой человек по имени Траведи, прекрасно владеет русским языком. Обстоятельно и занимательно он пересказал историю появления богов. Впечатление от услышанного таково, будто мы сами пролистали страницы чрезвычайно интересной божественной комедии. Поистине необыкновенным даром были наделены народные умельцы, которые добились подобного совершенства в своем нетленном искусстве.

Понятно стремление путешественников иметь при себе фотоаппарат, хотя хлопот с ним, признаться, немало. Иногда увлекается товарищ, запечатлевая на пленке тот или иной объект, и отстанет от группы. Запомнился, например, случай в Калькутте, когда запропастился невесть куда наш ленинградский архитектор. И что же? Он снимал поразивший его воображение лотос, не подозревая, что отнял тем самым у товарищей добрых полчаса драгоценного времени!

Или вот такая история. Латышского художника Леонида Мауриньша заинтересовали ребяташки, собравшиеся у музея. Стоило ему щелкнуть кнопкой фотоаппарата, как любопытные мальчишки ринулись к нему с протянутыми ладонями. Гвалт поднялся невообразимый. Леонид тем и спасся, что укрылся вовремя в автобусе. Оказалось, дети требовали с него плату за «позирование». Подобное приключение пережил и наш ленинградский архитектор. Было это, кажется, в Варанаси. У входа в храм Великих Моголов встретился странный человек со змеей в руках. Кивком головы он показал на торбу, перекинутую через плечо, в которой что-то копотилось. Увидев, что мы заинтересовались, невнятно зашептал о чем-то, затем сел на землю и раскрыл мешок. Оттуда выскоцил похожий на хорька длиннохвостый зверек и тотчас устремился к змее. Это был мангуст. Завязалась схватка. Не успели мы опомниться, как проворный

зверек ухватил за горло змею. Та забилась в конвульсиях. Хозяин, видно, не предвидел этого. Отчаянных усилий ему стоило оторвать своих питомцев друг от друга. Но змея заметно пострадала — на месте укуса сочлась кровь. Наш друг-ленинградец запечатлел этот момент. И человек, демонстрировавший нам столь диковинный поединок, подошел к нему. Радиация змеи извивалась в руке, мигаст, избудораженный схваткой, не желая лезть в торбу, хозяину пришлось оставить зверька на месте, но зато лишился цокоя наш товарищ. Человек просил что-то. Тем и отделался наш спутник, что отдал руки.

Животный мир Индии богат, разнообразен и поистине ярко выраженный тропический характер. Особенно много здесь обезьян. Впечатляет Бомбейский зоопарк. Львы и слоны не были для нас в диковинку, но обезьяны поразили разновидностью, необыкновенно яркой окраской. В зоопарке имеются около 80 видов эндемичных птиц, причем отряд воробьиных исключительно велик. Очень характерны для Индии павлины фазаны, птицы-поссоры. Многие птицы ярко окрашены, особенно попугаи. Наиболее распространены здесь род колыватых, насчитывающий много видов.

Также богато представлены пресмыкающиеся. Из крупных змей мы впервые увидели питона, достигающего в исключительных случаях 6 метров длины. Наиболее страшной из змей является кобра, или очковая, укус которой смертелен. Она встречается по всей Индии. Из других пресмыкающихся здесь водятся ящерицы, два вида крокодила и гавиал. Последний живет в реках Ганге, Инде, Брахмапутре и их притоках. Довольно интересные сведения узнал я о бегемоте: эти животные, оказывается, не выносят присутствия своих детенышей, поэтому их держат отдельно. Увидели мы здесь гаура и гаула (быков), последний с незапамятных времен известен как домашнее животное зебу, а также гималайского медведя, бенгальского тигра, елового и пыжевого якоря и многих других представителей индийской фауны.

Мы убедились здесь, насколько разнообразен и богат подводный мир. Плоский, с шиловидным хвостом скат, изловившая мурена-змея, всевозможные черепахи, хищные акулы, бесхвостые рыбы. Такое ощущение, что попали на дно моря.

Как я уже говорила, в нашей группе в качестве туристов были и медики. По их желанию мы посетили меди-

цинский институт имени В. А. Хафкина. Это учебное заведение названо именем нашего земляка, врача из Одессы. В конце XIX века доктор совершил путешествие в Индию, здесь тогда свирепствовала холера. В. А. Хафкин посчитал своим гражданским долгом помочь больным людям. В поисках средств борьбы с эпидемией доктор и заложил в 1896 году стены этого института.

В настоящее время это научное учреждение находится на государственном попечении. Институт заготовляет всевозможные лекарства и витамины. Ведутся исследовательские работы по биологии.

Директор заведения, желая познакомить нас со всеми сторонами деятельности коллектива, провел в комнату, где у отловленных змей берут яд. Молодой человек, специалист своего дела, охотно согласился продемонстрировать эту процедуру. Он откинул крышку железного сундутика и, сунув туда руку, молниеносным движением ухватил змею за хвост. Полутораметровая кобра, извиваясь, шипела, явно недовольная тем, что ее выставили на всеобщее обозрение. Невольно содрогнувшись, отдавая должное хладнокровию молодого человека. Также спокойно тот взял в другую руку раздвоенную на конце ветку, которой придавил голову змеи к полу. Затем поднес к ее разинутой пасти стакан. Это была, как нам объяснили, пятая змея, у которой брали сегодня яд. Всякое дело требует умения, а мастерство, рискуя жизнью, получить змеиный яд — особенное. Все облегченно перевели дух, когда кобра была водворена на место.

Интересно прошла встреча с членами Индо-советского культурного общества в Бомбее. Председатель ИСКО господин Хегде говорил по-русски, а ленинградская преподавательница отвечала ему на хинди. Один из присутствовавших, преклонного возраста человек, не выдержав, воскликнул: «Какая правильная речь на хинди!».

Господин Хегде говорил о дружбе двух стран — Индии и Советского Союза, причем отметил давние ее истоки, уходящие в многовековую историю народов.

Рядом со мной сидел пожилой худощавый мужчина. Он плохо владел русским. Выяснилось, что он не раз побывал в Советском Союзе. Представился, но, поняв, что я так сразу не запомню имя, взял блокнот и написал: Камгандра Кешао Мунги. Спустя какое-то время мы разговорились, как добрые знакомые, встретившиеся

после долгой разлуки. Вся обстановка в зале, взволнованная речь господина Хегде, знакомство с мыслью, симпатичными людьми, чистосердечие которых волнует до глубины души, заставили меня позабыть, что находюсь далеко от родного Иртыша — на побережье Аравийского моря.

Раньше мы были наслышаны о школе йогов, доводилось видеть кое-какие эпизоды в кино, по телевизору. Но знакомство воочию, конечно, имеет свой преимущества. Школа йогов — издревле развивающаяся в Индии своего рода наука, изучающая методы закаливания организма и избавления его от некоторых недугов. Принцип лечения заключается в позах, которые должен принимать больной в зависимости от того, какой участок тела поражен. Каждая из них имеет свое название. Рецепт дает-
ся врачом; сколько времени человек должен выполнить заданное ему упражнение. Подобным образом люди излечиваются от ревматизма, тонзилита, диабета, синусита.

Поднялись на второй этаж, в зал. Здесь и старики, и молодежь, и люди среднего возраста. Один в немыслимой позе лежит на спине, другой ничком, третий изогнулся так, что напоминает вопросительный знак, кто-то стоит на голове неподвижно. Пробыв в зале около двадцати минут, мы заметили, что ни один человек не шелохнулся.

Прежде чем попрощаться с Бомбаем, мы отправились к Аравийскому морю. Только вышли из автобуса, как навстречу нам направился человек, лицо которого показалось знакомым. «Как дела?» — спросил он по-русски, и тут все приветствовали господина Хегде, президента Индосоветского культурного общества.

На берегу многолюдно. Много и непривычных для нас зверей. Верблюды и пони — забава для отдыхающих, особенно для детей, которые катаются на них.

После того, как отдохнули на пляже, господин Хегде пригласил нас к себе в гости. Жил он неподалеку от моря.

Добродушный — это мы отметили сразу — господин Хегде, как только очутился под крышей собственного дома, превратился в хлебосольного хозяина, для которого главное — угощать гостям. Жена его — госпожа Санджне — милая женщина в голубом сари, принесла нас более чем радушно.

Имя господина Хегде — Санджне. Согласно казах-

ской традиции обращения к старшему по возрасту человеку, я позволю себе в дальнейшем ходе повествования называть его Саке. Господин Хегде охотно принял подобную трансформацию своего имени.

Судя по знакомым нам в его доме предметам, Саке не раз бывал в нашей стране. Портрет Владимира Ильинча Ленина на стене и бюст вождя подтверждают это.

Спустя некоторое время приветливая хозяйка привлекла нас к столу. Подала оладьи, обернутые листьями какого-то растения. Их надо было есть горячими, прямо с печи, и потому госпожа Сарасвати продолжала хлопотать. Хозяин, подойдя к холодильнику, извлек оттуда несколько бутылок. Леонид подтолкнул меня, решив, видно, что все это — «горячительное», хотя мы хорошо были знакомы с «сухим законом» в этой стране. Конечно же, это была обыкновенная вода. Вот так в Индии дорожат питьевой водой.

Саке, поглядев на часы, прошел в соседнюю комнату. Через секунду услышали знакомое: «Говорит Москва!».

— Привет вам с родной земли! — сказал Саке, улыбаясь. Мы были признательны за внимание. В доме стало тихо-тихо. Все с интересом слушали последние известия. В конце объявили прогноз погоды: в Москве двадцать градусов мороза. А мы, находясь в Индии, купаемся в это время в море. Удивительны законы природы! Все переменчиво. Постоянна, видно, только одна дружба, для которой географические широты — ничто. Ее живительную атмосферу ощутили мы в доме господина Хегде.

Познакомились с его детьми. Сына зовут Шурой, дочь — Зоей. Прекрасная дружная семья! Побольше бы на земном шаре таких людей — какой бы счастливой стала жизнь! Действительно, ведь прекрасно, когда в Индии рождаются Зои, а у нас в стране — Индиры! Это — результат дружбы двух великих государств, стремление народов к миру и счастью на земле.

Невозможно за несколько дней ознакомиться со всеми достопримечательностями Бомбея, но покинуть город, не посетив его знаменитого висячего сада, мы не могли. Еще двадцать шесть лет назад Мирзо Турсун-задэ вдохновенно писал в своих стихах о бесчисленных желаниях и стремлениях, которые, как серебристые шелковинки тутового дерева и гигантского баньяна, свер-

кают в сердце человека. И вот мы — на самом высоком холме Бомбея, где раскинулся живописный зеленый сад. Ветви деревьев причудливо переплетены, они напоминают очертания различных зверей — слонов, верблюдов, львов, буйволов, обезьян. Никто и ничто не нарушает торжественную тишину диковинного парка. Удивительный парк! В зеленом царстве прогуливаются молодые люди, новые хозяева Индии. Такое ощущение, будто находишься на сказочном изумрудном корабле, плывущем в неведомую даль. Мысленно я пожелал ему счастливого пути!

В аэропорту мы встретились с господином Хегде и его женой, пришедшими проводить нас. На память презентовал я Санджи-Саке тюбетейку, а госпоже Сарасвати — однотомник стихов Абая на английском языке.

Итак, наш путь в старинный Мадрас.

ЗАРЕВО В МАДРАСЕ

В административный центр штата Тамилнад — Мадрас, расположенный на берегу Бенгальского залива, мы прибыли ночью. Порт этот имеет большую искусственную гавань и занимает третье место по грузообороту в стране. Город раскинулся на широкой прибрежной равнине, жилые и деловые кварталы перемежаются большими территориями, занятymi под парки, сады и даже посевы риса.

На скалистых берегах можно увидеть, как с огромной высоты низвергаются вниз водопады. Иногда брызги прозрачной воды попадают в окна нашего автобуса.

Мадрас был основан в 1639 году как английская фактория (форт Сент-Джордж), которая в XVIII веке стала базой иностранной экспансии в Южной Индии, а в колониальный период — резиденцией губернатора Мадраса. Все это время город подчинялся интересам британского капитала. Известно, что Мадрас богат своими металлическими художественными изделиями и особенно хлопчатобумажными тканями, которые представляют образцы замечательного искусства и высоко ценятся за пределами Индии. Великобритания проводимыми торговыми-политическими мероприятиями разорила мадрасскую ремесленную промышленность и рынок текстильных изделий, а в XIX веке превратила его в аграрно-сырьевую

Дом советской культуры рассчитан примерно на четыреста мест. Помещение заполнено до отказа, большинство собравшихся — молодежь. Здесь юноши и девушки обучаются русскому языку. Действует специальный кружок, занятия в котором ведут наши соотечественники. Вдали от родной земли они рассказывают о советско-индийской дружбе, о жизни родной страны, учат молодых русскому языку, языку Ленина.

В заключение вечера был организован просмотр киножурналов о Советском Союзе.

Назавтра мы снова в пути. Наш курс — город Пандечеры.

Мы проезжаем многочисленные индийские деревни. Ветерок, залетающий в открытое окно, как жар раскаленного горна, обжигает лицо. Зелень, зелень... На много километров тянутся просторы изумрудного царства. Сопки вдалеке отливают голубым. Мне они напомнили наши Каркаралинские горы, такие же невысокие. В эти дни в деревнях сеяли маис, а по краям полей сажали овощи и перец. Ни клочка свободной земли. В низинах, где стоит вода, выращивают рис. Сейчас крестьяне на быках пашут землю и сразу же засеваю эти поля.

Берега Ганга прелестны, здесь очень много детей. Подобно своим сверстникам на всей планете, ребята затевают шумные игры, и никакая жара им ни почем.

Эта поездка познакомила нас с жизнью индийской деревни.

В Пандечерах мы посетили музей Ауровин де Гоша, который в свое время был влиятельным в округе человеком. И сейчас белая мраморная плита на его могиле утонула в цветах. Местные жители почитают одного из руководителей национально-освободительного движения как святого.

В юности Гош учился в Англии, вернувшись в Бомбей, вел революционную работу. Во время одного неудачного взрыва он попадает в руки врагам, и Ауровина заключают в тюрьму. С большим трудом его освобождают подпольщики. После обретения свободы Гош нашел себе пристанище в Пандечерах и продолжал здесь свою деятельность. Скончался пламенный борец в 1950 году, увидев паконец свою страну независимой.

Будущее города обещает быть интересным: такое у нас сложилось мнение после того, как ознакомились с предварительным проектом. Архитекторами задумана

своеобразная выставка всех стран планеты. Это будет сооружение, по форме напоминающее глобус. Мы побывали на территории, отведенной под уникальную стройку. Все работы выполняются вручную. Котлован под фундамент, и тот выкапывается лопатой.

Настоящий труженик своим кропотливым трудом в конечном счете добивается совершенства. Я верю, что эти добрые люди осуществляют задуманное. Если выпадет еще одна поездка в Пандечеры, обязательно навешу город, чтобы увидеть дом-глобус завершенным.

Индо-советское культурное общество дружбы в Мадрасе устроило специальный прием. Веранда посреди зеленого двора, напоминающая длинный зал, заполнилась до отказа. Нас пригласили к заставленному яствами столу. Проведя день на колесах, мы не прочь были отведать щедрого индийского угощения.

Присутствовали на приеме люди самых различных специальностей и профессий. Со мной рядом оказались литераторы. Познакомились. Самый старший из них Котамангадам Суббу, поэт, Джаякантан и Акилан — прозаики. Последнего, автора сорока произведений, заинтересовала Алма-Ата, он много расспрашивал о городе, приговаривая каждый раз: «Как знать, может и доведется побывать там». (Забегая вперед, скажу, что Акилан был участником конференции писателей стран Азии и Африки, проходившей в Алма-Ате. Не зря, значит, так подробно расспрашивал писатель о нашем городе.)

Затем состоялся митинг. Видные деятели Индо-советского культурного общества горячо и вдохновенно говорили о дружбе, связывающей народы двух стран. Встреча в тот день затянулась бы, если бы не подошло время концерта в Доме советской культуры, на который мы были приглашены.

Искусство знаменитой Падмы Субраманиам, одной из лучших исполнительниц индийского классического танца, покорило нас. Танцовщица дала нам некоторые подсказки. Особенно впечатляющими были комментарии Падмы к классическому танцу, называемому «Бхарат Натиам». Любое движение тела, каждый жест руки или пальца исполнены смысла. Только головой, как это продемонстрировала Падма, оказывается, можно сделать четырнадцать движений. Для человека, которому пошатнулся язык танца, выполняемого Падмой, — своего рода откровение, выразительная исповедь.

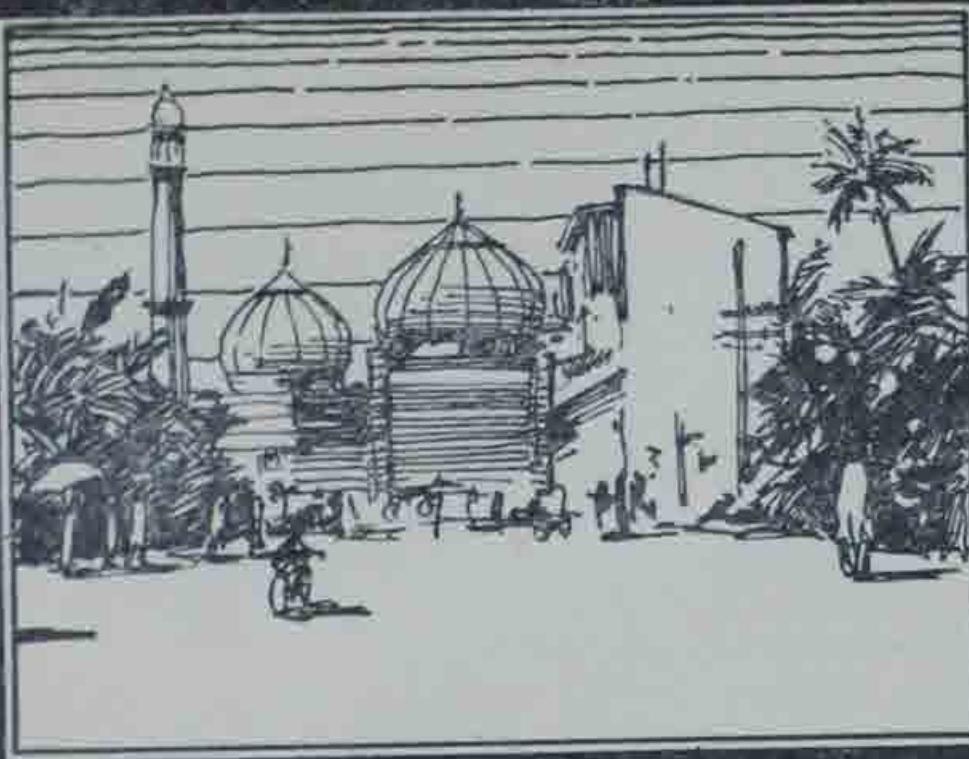
Храм Махабалипурама на побережье Бенгальского залива находится в шестидесяти километрах от Мадраса — это удивительный памятник древности, бережно охраняемый народом Индии. Своды дворца, выдолбленного из горных пород, покрыты изображениями на темы прекрасных легенд, встречаются росписи на бытовые мотивы, сцены сражений. Рельефные изображения животных, слонов изумляют совершенством отделки. Храм Махабалипурама, как нам показали, начал возходить вони Мамалла. Строительство этого уникального сооружения продолжалось около полутора веков. И только в XVII веке Махабалипурама получает свое завершение: обретает четкость скульптура, декор, сдержанный и пластичный.

Дни, проведенные в Мадрасе, пролетели незаметно. Мы готовились к отъезду в Дели. Все заметно волновалось: завтра принимаем участие в самом большом празднике страны — Индия отмечает день своей независимости. Глядя на заколящее солнце, представил завтрашний парад. Главная улица, заканчивающаяся воротами в столицу Индии, запружена народом. Нарядно украшенные слоны важно шествуют в праздничной колонне. Воины на верблюдах... Конники во всем красном... Воинские части... Президент, восседающий на золотом троне в дожь...

Перед отъездом в эту страну я еще раз перечитал «Индийские встречи» Мухтира Аузона. Парад в Дели описан писателем красочно, подробно. Поэтому нетрудно было представить предстоящее торжество.

Небо над нами окрасилось в розовый цвет. И земля будто в отсветах пламени. Какой красивый закат! Будто вся природа — в смущении, воц ведь как зарделась и небо и земля, даже на лица людей падал илый отблеск. Так, краснея от смущения, сидит, по казахскому обычаю, за белым шелковым занавесом в ожидании жениха девушка.

Да, Индия, несмотря на свою многовековую историю, еще молода, как невеста, вступающая в новую для нее жизнь. Хочется сказать ей: «Выше голову, смелее гляди вперед! Твое будущее — прекрасно!».

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

И снова в дороге.

Когда я впервые был в этой стране, меня не оставляла мысль: «Приехать бы сюда еще!». И вот исполнилось желание, через шесть лет я снова на земле Индии, снова говорю: «Намасте, Индостан!».

В Дели прилетели вечером. Разместились в гостинице «Кутаб», что находится на окраине города. По графику, с которым нас предварительно ознакомили, мы уже знали, что задерживаться в столице не будем. На следующий день мы уже отправились в Агру. Здесь я бывал и тем не менее испытывал радость, что снова увижу одно из семи чудес света — знаменитую усыпальницу Тадж-Махал.

Туркменскому писателю Азмурату Мамедиеву вкратце рассказал о памятных местах города. На словах, как оказалось, перечислить достопримечательности Агры не составляет труда, а вот попробуй обойди их за дни! Практически за то время, которое отвели нам, досконально ознакомиться с городом невозможно. Мой спутник, помимо писательского труда преподает историю в Ашха-

бадском университете, кандидат исторических наук. И он хорошо изучил Индию.

И вот мы снова в комфортабельных автобусах мчимся к несравненному Тадж-Махалу.

Как всегда, у Тадж-Махала многолюдно. Зарубежных гостей нетрудно определить по одежде, но здесь много и коренного населения. Три столетия, почитай, прошло, а паломничество сюда не убывает. Такое впечатление, что не только приезжие, но и сами индузы еще не успели увидеть все чудеса на своей земле. Среди посетителей очень много людей в дхоти и сари. Почти каждый сопровождает двоих или троих ребятишек, примерно пяти-шестилетнего возраста. Возможно, взрослые и видели уже Тадж-Махал, но вот привели сюда детей, чтобы и они полюбовались его красотой. Этот грандиозный сияющий купол будет светить многим во все века.

В тот, первый, приезд в Индию очень сожалел, что не довелось увидеть Тадж-Махал лунной ночью. Кто-то из моих бывших спутников говорил, что он в это время еще прекраснее. Вот-вот должна была появиться луна. Поскольку других планов на сей день не было, мы решили дождаться ночного светила. Почти все, кто был рядом, присели в ожидании на зеленую траву.

Тихо. Желание увидеть поистине чудо повергло нас в состояние некой отрешенности от всего земного, такое впечатление, что мы — в мире сказки...

Мало-помалуочная темь рассеялась. Зрешице действительно оказалось потрясающим. Тадж-Махал словно ожил, заговорил в волшебном блеске звезд и таинственном свете луны. Величественный памятник древности будто парил в вышине. Краски Тадж-Махала обрели звучание, они стали насыщеннее, выразительнее, сливаясь в одну неповторимую, удивительную по силе воздействия гамму.

Картина этой ночи легла потом в основу моей баллады «Тадж-Махал лунной ночью».

Еще один знаменитый исторический памятник — усыпальница Акбара, известная под названием Сикандра. Возведение ее началось еще при жизни правителя — в 1602 году, по его собственной инициативе. Но через три года Акбар скончался, и сын Джахангир продолжил строительство гробницы, которое растянулось еще на одиннадцать лет. Архитектурное сооружение очень красиво, со всех сторон окружено садом.

В узко придворном кругу государства Великих Моголов возникло и совершенствовалось погребальное строение, посвященное исключительно монархам. Широкую известность получили их надмогильные постройки, среди которых наиболее знаменита усыпальница Хумаюна близ Дели.

Мы уже говорили, что Агра, город, возникший в XV веке на берегу реки Джамни, главной ветви Ганга, изобилует памятниками старины. Но немалый интерес представляет и сегодняшняя жизнь страны, давно уже освободившейся от ига иноzemных поработителей. Мир и труд — вот к чему стремятся граждане новой Индии. Будущее государства — это подрастающее поколение, потому немаловажное значение придается его обучению. Мы очень обрадовались, узнав, что нас приглашает ректор университета в Агре.

Пройдя через веранду однотажного приземистого строения в глубине двора, мы оказались у двери. Из нее нам навстречу вышел высокий седовласый мужчина с доброжелательной улыбкой, удивительно красившей его благородное аскетическое лицо. Это и был ректор университета господин Мерстрап. Он заговорил первым:

— Очень рад, что пришли, — сказал он. — Эти слова я говорю не официально, а от чистого сердца. На то у меня есть причины. Во-первых, Советская страна — самый близкий друг независимой Индии. Наша дружба крепнет с каждым годом. Во-вторых, я трижды побывал в Советском Союзе: Москве, Ленинграде, Ташкенте и Самарканде. Тогда я почувствовал искреннее отношение советских людей к индийцам. Ничто не сравнится с тем, что видишь и чувствуешь сам. Памятниками старины знаменита не только Индия, ваша страна ничуть не уступает в этом отношении. Один ваш Самарканд чего стоит!

— Советская страна идет во главе научного и технического прогресса, это общеизвестно, — продолжил господин Мерстрап. — Искренне радуемся достижениям СССР и гордимся ими. Что меня особенно поразило у вас, так это воспитание подрастающего поколения. Я побывал в нескольких университетах, познакомился с учебными программами. В последнюю свою поездку в вашу страну я стал очевидцем подготовки ребят к празднова-

нию Первого мая. Они репетировали концертную программу: песни и танцы народов СССР. У каждого участника — своя национальная одежда. Знаете, вам, может, и привычно, но на меня, впервые принимавшего участие в таком торжестве, это произвело незабываемое впечатление. Я любовался прекрасными танцами ваших детей, слушал хоровое пение, а перед моими глазами стояли мальчики и девочки моей страны, определенная часть которых, вам это известно, до сих пор озабочена мыслями о существовании... — господин Мерстра вздохнул. — Я вернулся на родину, радуясь свободной счастливой жизни советских детей. Мне они подарили красивый, вырезанный из бумаги цветок. Я его до сих пор храню, как самый дорогой для меня дар...

Господин Мерстра охотно поделился с нами воспоминаниями о поездке в Страну Советов, своими мыслями о проблемах воспитания подрастающего поколения, которые волнуют и тревожат его как педагога.

Индийское правительство прилагает все усилия, чтобы улучшить жизненные условия своих маленьких граждан. Первоочередной задачей является вопрос об образовании. Судя по последней переписи, за тридцать лет независимости государства количество учащихся по сравнению с прежними временами возросло в четыре раза.

Господин Мерстра рассказал и об университете в Агре:

— Наше учебное заведение дает знания по многим отраслям, — объяснил он. — Особое внимание уделяем политическим, экономическим, естественным наукам. Хочется особо подчеркнуть, что в своей деятельности мы опираемся на богатый опыт методов преподавания и обучения в Советском Союзе, в частности в области технических наук. Действует у нас факультет медицины. Стараемся готовить универсальных, всесторонне развитых специалистов. Открылся коммерческий факультет, призванный готовить работников торговли, в которых нуждается страна. Советские педагоги ведут занятия на факультете литературы. Пятьдесят студентов изучают русский язык. Контингент таков — дети состоятельных родителей, а также выходцы из деревни. Университет выпускает два журнала, в которых публикуются научные работы.

Господин Мерстра говорил неторопливо, взвешивая каждое слово. Он был с нами искренен и откровенен, рассказал, что в университете существует несколько партий. Не утаил и своих сомнений относительно того, что наличие разных партий в стенах одного вуза создает определенные трудности и проблемы.

Мы поблагодарили господина Мерстра за интересную беседу.

В ДЖАЙПУРЕ

Вечером полетели в Джайпур. С высоты город имеет форму правильного круга, напоминая старинную крепость. Джайпур своеобразен, не похож на другие города Индии. Все дома здесь красного цвета, почему его называют еще «Красным городом». Центральную часть занимает дворцовый комплекс с садами, бассейнами, фонтанами, дворцом Чандра-Махал, который включает Художественный музей. Здесь же размещаются обсерватория Джантар-Мантар с дворцом Хавал-Махал («Дворец ветров»). Есть в городе университет, медицинский институт, женский колледж. За пределами крепости строится новая часть Джайпура с гостиницами, магазинами, школой художественных ремесел, парком. Тем не менее чувство, что мы окунулись в глубь давно минувших веков, не покидало нас за все время пребывания здесь.

Это чувство укрепилось еще больше, когда мы по горному ущелью поднялись к крепости. Когда-то, говорят, центр Джайпура был сосредоточен именно здесь. Каменная крепость занимает довольно большую площадь.

Город насчитывает две тысячи храмов и огромное количество памятников древности. Согласно историческим сведениям, эту крепость построил в XVI веке маграджа Мансух I. Он был главным полководцем Акбара и пользовался большим влиянием во времена правления Великих Моголов. Не случайно, оказывается, город назвали Джайпуром. «Джай» — означает «победа» «пур» — «город», то есть «город победы». Полководец после победоносных походов устраивал здесь пиры и делился своими трофеями с Акбаром. Позже город стал разрастаться, спускаясь в низины.

Мы побывали в Национальном музее, где представлены изделия древнейших и современных умельцев Индии, красноречиво отражающие традиции и обычай

страны, получили возможность увидеть редкую коллекцию различных образцов головных уборов. Особенное поразило нас искусство тонкой ручной работы, которым природа щедро одарила индийских мастеров.

В музее разносторонне представлена жизнь простого люда. Много экспонатов, изображающих человека в действии: группа танцующих девушки, женщина, занятая шитьем, мужчина, разводящий огонь в очаге.. Все это, вместе взятое, составляет картину жизни индийской деревни.

Чуть дальше размещена своеобразная выставка предметов домашнего обихода — национальной посуды, поражают изяществом работы всевозможных форм кувшины. Один из них создал девяностодевятитрехлетний умелец. Изделие выполнено из бронзы и эмали. По красоте оно, пожалуй, затмевает все остальные.

Особый интерес представляют, на мой взгляд, отлитые из серебра миниатюрные изображения птиц, колоски пшеницы и всевозможные плоды, вырезанные из слоновой кости. Не будет преувеличением сказать, что прикладное искусство в Индии развито как ни в одной другой стране.

У каждой народности — свой род занятий, определенное ремесло, требующее орудий производства и даже специальной одежды — все это также достаточно полно представлено в музее. Признаюсь — только там я узпал впервые, что игра в биллиард обязана своим происхождением индусам. Она появилась в девятом веке и распространилась позднее по всей Европе и другим странам.

На одном предмете я хочу остановиться особо — на клинке, презентованном Акбаром полководцу Мансуху I. Широкий, плоский, напоминающий по форме весло, весит он пять с половиной килограммов. Трудно представить, какой физической силой должен был обладать человек, владевший этим оружием. Со временем место правителя-градостроителя занял его преемник — Мансух II, который увлекался науками. Когда мы прошли на территорию дворца, ныне обращенного в музей, то увидели всевозможные куполообразные сооружения. Оказалось, что это — обсерватория. Построена она была в 1727 году. Плоский гладкий камень, на нем вырублены метровые и сантиметровые отметки, которые точно указывают время в зависимости от того, как падает тень от

солнца. Рядом — круглая железная чаша, с помощью которой определяли то или иное созвездие. Как свидетельствуют сохранившиеся материалы, сам Мансух II руководил работой этой своеобразной обсерватории.

Согласно астрономическим данным того периода, Земля была неподвижна, а вокруг нее вращались по круговым орбитам Солнце, Луна, планеты и звезды. Движение небесных тел вычислялось довольно точно, как и их положение по отношению к небесному экватору. Была известна разница в длине дня и ночи в разных широтах земного шара.

Знакомясь с деятельностью магараджи, мы все больше убеждались, что он был всесторонне одаренным человеком. Не только науки занимали его, он увлекался еще и музыкой. Свидетельство тому — несколько сохранившихся музыкальных инструментов. Один напоминает домбру, только значительно больше размером, второй — обыкновенный барабан, третий — инструмент, похожий на кобзь, индузы называют его «сарангги». Они инкрустированы золотом. Этим драгоценным металлом украшались все предметы. Золотая пакидка, золотая тюбетейка, золотые сандальи — короче все у Мансуха II в золоте. Если магараджа склонен к роскоши, отставать ли его жене? Платье повелительницы выточено из золотых нитей, оно слепит глаза. Прислуживали ей двести девушек. Палацкий, на котором выносили ее из покоя, тоже отделан золотом.

Немалый интерес представляет картинная галерея. Мы задержались у одного портрета. На полотне изображен юноша, взгляд которого пронзителен. Это — последний портрет магараджи-ученого.

Здесь же мы познакомились с книгами XIII века. За отсутствием бумаги их писали на пальмовых листьях.

Нам рассказали, что потомки магараджи до сих пор живут в этих краях. Разумеется, прежней роскоши и былой власти нет. Дворцы переданы в ведение государства и обращены в музеи.

ДНИ В АУРЕНГАБАДЕ

Из Джайпура мы вылетели в половине шестого утра, по пути остановились в городе Удайпуре и к десяти часам были уже в Ауренгабаде. Старое название города —

Кирке, что означает «зеркало». В древние времена этот город считался своего рода зеркалом Южной Азии. Позднее город переименовали в честь правнука Бабура — Ауренгзаба. Здесь жил последний правитель империи Великих Моголов. В войне за престол в 1658—1659 годах между четырьмя сыновьями Шах-Джахана Ауренгзаб победил не столько из-за военного превосходства, сколько с помощью интриг, подкупа и обмана. Он убил всех своих братьев, посадил под домашний арест отца. Спустя много лет, не выдержав деспотического характера отца, сыновья Ауренгзаба восстали против него.

Ауренгзаб оставил городу большую память о себе. Высятся дворцы, которые он выстроил в честь жены и дочери — поэтессы Зебунуссо. Усыпальница его матери Дилараз напоминает чем-то Тадж-Махал. Сам правитель, говорят, не успел увидеть гробницу завершенной, ее достраивали сыновья. В отличие от Тадж-Махала усыпальница Дилараз потускнела с годами, краски ее поблекли.

Индия является кладовой природных сокровищ. В первый же день пребывания в Ауренгабаде нам показали, как уже добытые самоцветы очищают от примесей,шлифуют, гранят. Все процессы производятся вручную. Всевозможными хитроумными способами, известными только самим умельцам, доводятся камни до совершенства.

Увидели мы, как создаются знаменитые индийские ткани. За одним из деревянных станков старик и юноша ткут полотно. Оба увлечены работой так, что, кажется, и не замечают нашего присутствия. По тому, как посверкивают бисеринки пота на лбу, как сосредоточены лица работающих, нетрудно угадать всю напряженность труда. Что и говорить, он тяжел, изнурителен, выматывает силы. Но хотя мастер, склонившийся над станком, устал, видно, что он находит удовлетворение в своем занятии. Иначе немыслимо настоящее творчество. Поистине, надо быть кудесником, чтобы произвести на свет такую ткань! Нет сомнения, что и юноша, сидящий рядом и постигающий тайны мастерства, в недалеком будущем продолжит дело наставника.

Вечером мы стали очевидцами одной церемонии. В Ауренгабадском университете существует давняя добная традиция вручения в торжественной обстановке дип-

ломов выпускникам. Открытая широкая площадка, по краям задрапированная тканью, заполнена народом. Молодой человек, худощавый, смуглый, который только что встретил нас у входа, сел рядом. «Иогеш Бхатшагер», — представился он. Закончив аспирантуру Московского университета имени М. В. Ломоносова, он сейчас преподает здесь русский язык. К нам подошла девушка в сари, миловидная, с очаровательной улыбкой, села рядом. Оказалось — студентка третьего курса русского факультета.

Вскоре на сцену, где были установлены микрофоны, стали подниматься юноши и девушки. Послышался мелодичный женский голос, затянувший необычную по ритму песню. Песня-речитатив... Все поднялись с мест, мы последовали примеру окружающих.

Один из товарищ на сцене, как нам пояснили, — министр просвещения, прибывший специально из Дели.

Ректор университета произнес краткую речь.

Церемонию открыли преподаватели. Выглядели они необычно — все в голубых мантиях. Выстроившись в ряд, выразили свое почтение министру просвещения и губернатору города. Выпускники университета во время торжественного заседания стояли перед сценой в голубых, зеленых, красных, желтых мантиях. Каждый цвет выражает символ и знак определенного факультета.

Зачитали список выпускников, началась выдача документов. Молодые специалисты, волнуясь, один за другим поднимались на сцену. Вместе со всеми зааплодировали и мы, от души желая молодым специалистам достойного приложения сил на благо родины.

На подобные торжества приглашаются и преподаватели, только защитившие кандидатское звание. Мне эта традиция понравилась. Во-первых, публичное вручение дипломов, согласитесь, обязывает специалистов ко многому; во-вторых, подобные торжества — свидетельство того, какое внимание правительство Индии оказывает подготовке квалифицированных кадров для всех отраслей науки и хозяйства.

После большого праздника Иогеш пригласил нас к себе домой.

— Всех, кто приезжает из Советского Союза, уважают как своих друзей, потому что питают к вам искреннюю любовь! — сказал юноша. — Ваша страна дала мне высшее образование, специальность, до конца своей жизни

буду обязан ей. Отвечать добром — долг всякого человека. Сейчас обучаю русскому языку моих соотечественников, рассказываю о том, что видел сам, находясь в СССР.

За чаем я успел обозреть комнату. Мое внимание привлек шкаф, заставленный книгами на русском языке. Сочинения В. И. Ленина, А. М. Горького, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова... Нам было приятно видеть в доме индийского друга произведения классиков и поговорить о них.

На следующий день поехали за город. Как всяким другим туристам, прибывшим сюда, нам хотелось увидеть таинственные пещеры Будды. Их тридцать. Расположены рядом. Легенд, связанных с имением всемогущего божества, в Индии множество. Впервые его произнесли в этой стране в VI веке до нашей эры. Именно с этого времени буддийская религия начинает свое существование.

Известна из истории притча: матери будущего Будды якобы привиделся сон, будто она ласкает Солнце. Прорицатели пророчили ей сына. Так и случилось: женщина родила ребенка необыкновенного, а наделенного особыми качествами.

Если же ссыльаться на конкретные источники, Будда — человек, существовавший реально. Он — сын знатного мараджи по имени Гаутама. В 29 лет молодой человек покидает отчий дом — пышный дворец, прощается с роскошной жизнью и идет странствовать по белу свету. В скитаниях проходят семь лет. За это время он наблюдает различные проявления добра и зла, многое познает в жизни. Увиденное и пережитое побуждают его стать поборником нового учения. Позже народ называет его Буддой. Слово это означает «очистившийся от греха», «святой».

В III веке до нашей эры индийский царь Ашока объявляет буддийскую религию государственной. С целью ее пропаганды и распространения по всей стране великий правитель отправляет в различные концы государства монахов-глашатаев. По его же велению строятся монастыри и храмы, которые становятся священными местами поклонения верующих. Со временем буддийская религия подразделяется на две ветви: прежнее буддийское учение стали называть хинаяна, новое — махаяна.

Пещеры Будды построили в период махаяны во II веке до нашей эры. Возникновение этих памятников приписывают этому периоду по той причине, что именно тогда

Будду начинают изображать в облике человека. Возводили их вначале активно, но потом забросили, и строительство возобновилось лишь через несколько веков. Последняя, тридцатая, пещера была вырублена в VII веке нашей эры.

На стенах пещер запечатлены различные эпизоды из жизни верующих... Изображения Будды — самые различные. В одной из пещер бог стоит с молнией в руке. В другой — его бюст высотой четыре с половиной метра. В третьей — семиметровое изваяние мертвого Будды. Приведенные размеры позволяют судить, насколько просторны пещеры. Все, что видишь в пещерах Будды, — творение рук человека. Поражаешься самоотверженному упорству людей, посягнувших в древние времена на твердость горной породы, разрушивших ее во имя любви к искусству.

Как свидетельствует история, пещеры Будды были преданы забвению и несколько веков никто и не подозревал об их существовании. И только в 1819 году их обнаружил охотившийся за тигром английский солдат. Упорно преследуя зверя, он оказался у какого-то обрыва. Убедившись, что теперь тигра ему не нагнать, охотник повернулся назад, но тут взгляд его упал на странный ряд пещер у подножья горы за оврагом. Это и были известные ныне памятники древности.

На том месте, где стоял англичанин, когда он обнаружил пещеры, сейчас установлен памятник.

Затем мы побывали в двух, близко расположенных друг от друга, небольших городах: Даулетабаде и Кулабаде. Даулетабад — значит город богатства, достатка, был основан в XII веке. В XIV веке сюда была переведена столица из Дели. Однако одного не учли капризные правители, изменив место своего пребывания, — в окрестностях Даулетабада издавна испытывали острую нехватку воды. Шесть лет правители мирились со стихией, а потом были вынуждены снова обратить Дели в столицу. Историки располагают интересными материалами об этом периоде: далекий переход в Дели обернулся тяжкими бедами для населения, много народу погибло в пути. Мне невольно вспомнилось подобное же кочевье в моей родной степи, известное под названием «актабан шубырынды», когда казахи под давлением завоевателей-джунгар оставляли родные места.

Город Кулабад известен тем, что здесь был погребен последний представитель династии Великих Моголов —

Луренгзаб. Усыпальница царя, по его завещанию, выглядит довольно скромно — нет присущей индийским захоронениям пышности.

В тридцати километрах от города — знаменитая своими пещерами Эллора. С XIII века пещеры заброшены, практически никто ими не интересуется. Эти памятники несколько отличаются от пещер Будды. Если в последних преобладают наскальные изображения, то в Эллоре предпочтение отдано скульптуре.

Каждая из этих пещер имеет свою историю, является источником интересных рассказов и легенд. Невообразимо замысловатые сюжеты из жизни Будды передают вырубленные барельефы, в скальной породе с помощью примитивных орудий труда — обыкновенного молота и кайла. Воистину великий труд, помноженный на огромную любовь к истории родной земли!

В Ауренгабаде нам запомнилась встреча с членами Индо-советского культурного общества. Нас уже ждали. Собрались человек семьдесят. Рядом с нами господин Тавре — президент ИСКО в этом штате, ректор университета.

Представил нас друг другу уже знакомый нам Иогеш. Как он и предсказывал, мы встретились еще раз.

Первым выступил Вадим Иванович Данилов, заведующий отделом Московского института востоковедения, вице-президент Индо-советского культурного общества. Он говорил о том, что в последние годы наши взаимоотношения еще более укрепились, подчеркнул стремление советских людей к миру.

Следующим выступил я. В первый свой приезд в Индию убедился, что не многие там знают о нашей республике. Мало кто слышал о земле казахов. И только когда произносились имена Абая или Ауэзова, кое-кто, в основном литераторы, припоминали, какого это народа представители. В эту поездку подметил отрадный факт: узнав, что я — казах, приветливо заулыбались. Причина стала известна позже. Дело в том, что книгу Л. И. Брежнева «Целина», события которой связаны с Казахстаном, перевели на все языки народов Индии. В душе я гордился — в который уже раз! — замечательной книгой, прославившей мой родной край.

Я рассказал вкратце о хлеборобах и животноводах, их достижениях, культуре и литературе. В заключение прочитал стихотворение из цикла «Индийские мотивы».

Были и вопросы, самые разные — о развитии образования в нашей стране, о состоянии медицины, спорта. Кто-то полюбопытствовал относительно языковой проблемы. Я с гордостью ответил: сколько в Советском Союзе народов, все они говорят на своем национальном языке. На разных языках получают образование, сохраняют и развиваются старые добрые традиции.

Затем присутствовавшие говорили о литературе, о творчестве современных писателей. Президент в заключение обратился к нам:

— О Советской стране мы слышали и раньше. Вот и сегодня, побеседовав с вами, узнали еще больше. Спасибо вам! В 1962 году я побывал в Советском Союзе. По долгу службы знакомился в основном с системой образования в СССР. У нас эта проблема до сих пор разрешается трудно. И здесь мы учимся у вас. Постоянно знакомимся с новинками советской литературы, пропагандируем советские книги, стараемся, чтобы наши студенты читали их.

Далее господин Тавре остановился на работе Индо-советского культурного общества, выразил свое удовлетворение его деятельностью.

Незаметно пролетели три дня в Ауренгабаде, мы уезжали довольные тем, что увидели еще один индийский город, в котором подружились с интересными людьми.

БУДУЩЕЕ ИНДОСТАНА

В Дели мы вернулись к полуночи. В древности этот знаменитый город был известен под названием Индарапастха. Современное название появилось с 736 года. Город несколько раз менял свои границы, и лишь в 1206 году он становится столицей Делийского султаната, а в 1526-м — Могольской империи. В 1803 году Дели захватили англичане. После завоевания Индией независимости значение ее столицы как административного, экономического и культурного центра стремительно возрастает.

Нынешний Дели по обыкновению делят на три части. Первая — это грандиозные памятники древности, наследие Великих Моголов, вторая — исторические сооружения, свидетельствующие о пребывании здесь британских захватчиков, и третья — новый Дели.

В старом Дели сохранились: городские стены с воро-

тами, крепость Лал-Кила (Красный форт), включающая дворцы Ранг-Махал, Диванн-Ам, Дивани-Кхас и Жемчужную мечеть.

В двадцати километрах к югу находятся четыре крепости: Сири, Джакханпанах, Тугла-Хабад (с остатками укреплений, мавзолеем Гияс-ад-дина) и Лал-Кот. Последняя знаменита железной колонной, минаретом Кутб-Минар, мавзолеем Ильтутмыша.

Новый Дели — крупный район с рядом площадей, садов и скверов, с широкими улицами. Он включает ансамбль правительственныех зданий, например, здесь размещается дворец Раштрапати Бхаван, два здания секретариата, парламент, особняки чиновников, министерства.

Самая большая после Стамбульской — мечеть Джамшиит — также находится в Дели.

Торжественные в своей величавости немые свидетели былых веков: сохранившиеся изразцы, барельефы, изящная вязь арабских писаний... Летопись Индостана богата событиями, она чрезвычайно познавательна, но еще интересней его сегодняшняя жизнь.

Рано утром мы отправились в школу йогов. Почему спозаранку? Потому что предстоял день, насыщенный экскурсиями, — не хотелось ничего упускать.

Мы надеялись, что в такой ранний час в школе не будет многолюдно, но двор оказался заполнен народом. Каждый в удобной для себя позе сидит где придется. Нас сразу провели в помещение. В просторной комнате на полу видим недвижно застывших людей. Кто-то время от времени делает то или иное упражнение.

Другие прихожане, низко склонившиеся над землей, вводили в ноздри трубки, которые затем извлекались изо рта. Я поинтересовался у гида, что означают эти манипуляции с трубками. Тот степенно ответил: «Средство предупреждения насморка».

Затем мы побывали в университете имени Джавахарлала Неру, открытом в 1965 году при активной помощи Советского Союза.

— Наша основная задача — обучить индийскую молодежь русскому языку, — сказал ректор университета профессор Шехровади, — чтобы наши студенты получили знания по истории СССР, русской и советской литературе, культуре. Наши филологи, например, изучают историю литературы, начиная с XVII века. У факульте-

та, который готовит переводчиков, программа несколько иная: предпочтение отдается истории и географии советской страны. Все лекции читаются на русском языке.

— Без помощи советских наставников мы, наверное, не достигли бы многоного. Со дня открытия университета они работают здесь. Мы бесконечно признательны нашим советским коллегам. Нелегко, конечно, годами пребывать вдали от родной земли, от дома. Мы это хорошо понимаем. Это, если хотите, подвиг со стороны советских специалистов. Я не преувеличиваю — это действительно так. Если человек озабочен интересами других, разве это не проявление высокой человечности?

Индийские педагоги после этих слов дружно зааплодировали.

Господин Шехровади продолжил:

— Студенты не остаются в долгу, учатся с огромной самоотдачей, — в тоне ректора при этих словах прозвучала гордость. — Для закончивших учебу сразу находится работа. Некоторые уезжают в Москву, поступают в аспирантуру. Так что, как видите, курс мы держим правильный. Конечно, трудностей, которых у нас еще много, не скрываем. А теперь предлагаю вам познакомиться с нашими педагогами.

Индийские товарищи один за другим поднимались с мест и называли свои имя и специальность. Все они прекрасно владели русским языком.

Неожиданно ректор, обращаясь к нам, предложил: «Поскольку среди вас есть поэты, пусть прочитают стихи на родном языке».

Несколько таджикских поэтов и я исполнили его просьбу. Так встреча в университете закончилась небольшим литературным вечером.

Мне вспомнился Иогеш из Ауренгабада. Он ведь говорил, что учился в этом университете, затем в аспирантуре МГУ. «Как символично, — подумал я про себя, — что университет носит имя Джавахарлала Неру, одного из лидеров национально-освободительного движения в Индии».

Покидая университет, мы не сомневались, что дружному коллективу педагогов будет способствовать только удача, ведь сеять доброе, разумное, вечное — благородное дело!

Теперь мы шли на встречу с Джавахарлалом Неру. Разве посещение дома, где жил и работал человек, кото-

рый вместе с Махатмой Ганди и индийским народом превратил страну в независимую, не есть непосредственное общение?

Когда английский военачальник строил в 1930 году этот двухэтажный особняк, он, наверное, намеревался жить здесь долго, ибо здание сооружено добротно, как говорится, на века. Но история не раз уже доказывала, что захват чужой территории — не самый лучший способ самоутверждения на земле. Всякое посягательство на чью-то землю, на человеческие права рано или поздно терпит крах. Английский военачальник, унося ноги с индийской земли, не смог, к его великому сожалению, прихватить с собой двухэтажный красивый дом. Он стал достоянием народа, обретшего независимость. До 1964 года, то есть до последнего дня своей жизни Джавахарлал Неру жил здесь, отсюда он руководил страной.

Теперь это — государственный музей. Мы не спеша обошли два этажа.

Жизнь Неру представлена во всей ее полноте. Фотографии студенческих лет — это пора, насыщенная событиями, которые предопределили место Неру в борьбе за независимую Индию. Юноша заканчивает Кембриджский университет, становится адвокатом. В 1921 году за антианглийскую агитацию подвергается первому аресту; всего в тюрьмах он находился свыше десяти лет. Позднее участвовал в конгрессе угнетенных народов в Брюсселе. Борец за свободу и независимость своей страны, Неру был знаком с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Выставлен на обозрение и обломок стены, весь изрешеченный пулями. В 1919 году англичане устроили массовый расстрел индусов. Теперь эта стена со следами засохшей крови призывает всех: «Не допускайте подобного злодейства!». После этого трагического события, свидетельствуют историки, был создан Индийский национальный конгресс, одним из лидеров которого являлся Мотилал Неру, отец будущего премьер-министра независимой Индии.

В 1927 году отец и сын посетили СССР, где участвовали в праздновании 10-летия Октябрьской революции. Неру высоко ценил В. И. Ленина, которого назвал «мастером мысли и гением революции».

Особенное впечатление производят снимки, где Джавахарлал Неру запечатлен вместе с Махатмой Ганди.

С приходом (после 1918 года) к руководству Индийским национальным конгрессом Махатмы Ганди Неру стал его приверженцем и ближайшим помощником. Джавахарлал Неру видел будущее Индии в социализме. Однако путь к нему усматривал не через развитие классовой борьбы, а вслед за Ганди, через социальный компромисс.

Мы осмотрели приемный и рабочий кабинеты Джавахарлала Неру, комнату, где он обычно отдыхал. Здесь, в музее, мы услышали голос пламенного борца, записанный на магнитофонную ленту. Какая это взволнованная, полная боли и горечи речь! Ее произнес Неру после покушения врагов на Махатму Ганди. Исполненное гражданской скорби, откровение друга, сподвижника великого человека не может не волновать сердца.

Музей Джавахарлала Неру — не только рассказ о жизни и деятельности одного человека, это история всей страны. С его именем связаны принятие первого пятилетнего плана, строительство ряда промышленных объектов, в том числе знаменитого Бхилайского завода с помощью Советского Союза, пуск в действие атомного реактора в Бомбее. Разработанные и осуществленные под руководством Неру меры по экономическому и социально-культурному строительству положили начало перестройке колониально-феодальной структуры индийского общества.

Джавахарлал Неру неоднократно бывал за рубежами своей страны, устанавливая связи индийского национального движения с антиимпериалистическими и антифашистскими силами в Западной Европе, активно выступал против фашистской агрессии в Эфиопии, в поддержку республиканской Испании и борьбы Китая против японской агрессии.

26 января 1950 года независимый Индостан стал называться республикой. Этот день — национальный праздник. Ежегодно его отмечают не только трущиеся Индии, но и все прогрессивное человечество.

С момента образования независимой Индии Джавахарлал Неру до своей кончины бесменно занимал пост премьер-министра и министра иностранных дел. В области внешней политики он проводил политику «позитивного нейтралитета», направленную на борьбу за мир, международное сотрудничество, против угрозы войны, неоколониализма и расизма.

Как дальновидный политик Неру выступал за всемер-

ное развитие советско-индийских отношений, дружбу и сотрудничество между Советским Союзом и Индией.

В связи с этим я вспомнил приезд высокого индийского гостя в Алма-Ату летом 1961 года. Весть о том, что прибудет Неру, успела облететь столицу Казахстана еще с раннего утра. Народ высыпал на улицы, на которых залетели яркие транспаранты и лозунги с приветственными словами. И вот иаковец покинул поблескивающие за солнце, медленно пратавшиеся машины. Высокий, стройный Неру в белом дхоти, приветствуя, машет рукой. Рядом — дочь Индира. Она, улыбаясь, тоже приветствует советских друзей...

И опять звучит знакомый голос Неру. Речь на большом международном форуме. Заканчивается она так: «Наша главная задача — жить в мире со всеми народами на земле. Больше нам ничто и не требуется. Это наше единственное желание».

Он был оригинальным, глубоким мыслителем, блестящим оратором и публицистом, создавшим популярные работы по всемирной и индийской истории. В мировоззрении Неру, пронизанном идеалами гуманизма, нашли отражение сложные и противоречивые условия Индии в современную эпоху.

Во дворе музея нам показали место, где Джавахарлал Неру любил отдыхать. Рядом — факел вечного огня. Его зажег когда-то деятель национально-освободительного движения Шастри, который в поисках правды побывал все страны мира. Знучит торжественно национальный гимн Индии — «Бхаратам». Здесь проводятся различные вечера, посвященные памяти Неру.

Нет сомнения, что этот музей в Дели посетят еще немало поколений людей доброй воли, поклоняясь величественному огню.

Еще один запомнившийся во время пребывания в Дели момент, связанный с посещением школы имени Максима Горького. Сам этот факт полнил сердце радостью. К тому же школа эта, как выяснилось, — единственная, где обучают русскому языку.

Директор учебного заведения Раджина Кумар — приятной внешности женщина — встретила нас радушно. Англичанка Раджина была замужем за индусом. После того, как умер муж, она осталась в этой стране и стала инициатором создания специальной школы, в которой сейчас обучаются 3800 учащихся. Учительский кол-

лектив насчитывает 180 человек. Русский язык в программу обучения введен с 1970 года. В настоящее время им непосредственно занимаются более четырехсот учащихся. Пять воспитанников этой школы принимали участие в олимпиаде русского языка в Москве, трое из них получили ценные призы. Многие побывали в пионерских лагерях «Орленок», «Артек». Самой Кумар-ханум тоже посчастливилось съездить в Москву, о чем она рассказывала с нескрываемой гордостью и удовлетворением. Обучаются здесь в основном дети состоятельных родителей, но создаются условия для того, чтобы доступ имели и дети неимущих.

Познакомив нас с учителями, Кумар-ханум сказала:

— Самая главная задача — помогать дальнейшему укреплению дружбы между народами. Стаемся, чтобы именно в таком духе велось воспитание подрастающего поколения.

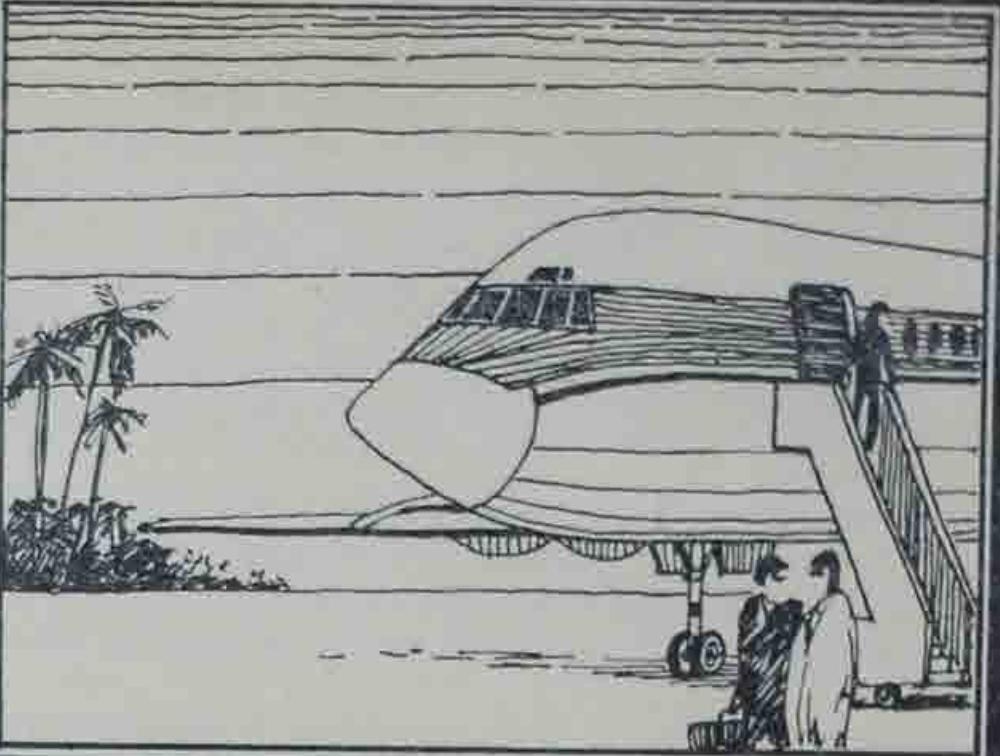
Все это время речь Кумар-ханум переводила московская учительница Зоя Павловна Свеченская. Она уже два года работает в этой школе. Зоя Павловна, улыбаясь, предложила:

— Пройдемте к детям, товарищи, они так ждут!

В просторной комнате собрались ученики — все в красных костюмах. Ребята подготовили небольшую концертную программу на русском языке. Двенадцатилетний Бесбажжит Досбупта побывал в Москве и восторженно рассказал о своих впечатлениях. Затем воодушевленно прочитал стихи о революции, почти без акцента, голос — чистый звонкий. У всех нас разом вырвалось «Молодец, Досбупта!». Хочется верить, что этого мальчика ждет прекрасное будущее. Дети исполнили песенки из мультфильмов. Мы долго не могли расстаться с юными артистами. Глядя на сияющие глаза ребятишек, я подумал: «Вот оно, будущее Индии!».

Наше пребывание в этой гостеприимной стране подошло к концу. Завтра возвращаемся на родину.

Уже у трапа самолета еще раз отглянулся на древний и в то же время молодой Дели, услышал звонкие голоса ребят, увидел задорное, улыбающееся лицо Досбупты. Юный Бесбажжит с малых лет стремится к добру. Пусть сопутствует ему удача на этом пути! Пусть такими, как он, множится индийская земля. Они — продолжатели дружбы между двумя великими народами. Они — будущее Индостана!

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА

ПЕСНЯ И СВАДЬБА

В третий раз лечу в Индию. Но чувствую, что и этой поездки будет недостаточно для того, чтобы сказать: «Я познал этот край!». Индия — как книга, полная таинств, и с каждой новой страницей она все более увлекает.

Путешествие сложилось несколько необычно. На этот раз мы ехали на торжества: в Индии проходили дни Казахской ССР. Новая форма культурных взаимоотношений между дружественными странами получила широкое распространение в последнее время. Подобные встречи приносят добрые плоды. Еще один немаловажный фактор: вот уже несколько лет штат Керала поддерживает тесные братские отношения с Казахстаном. С гостями из Индии я не раз встречался в Союзе советских обществ дружбы и культурной связи.

Предстоящая поездка давала возможность более близко и широко познакомиться с людьми этого края.

Итак — мы в пути...

Главная улица Дели начинается с международного аэропорта Палам. По обеим ее сторонам — ровный зеленый ряд деревьев.

Сейчас здесь тихо.

До захода солнца мы успели побывать во многих районах столицы Индии.

Сегодня Дели — крупный экономический и культурный центр. Индуистриальное значение города сильно возросло за годы независимости: построено много промышленных предприятий, в том числе домостроительных деталей, химико-фармацевтических, электротехнических и других.

Развивается текстильная, швейная, трикотажная, стекольно-керамическая промышленность, а также металлообрабатывающая и машиностроительная (бритвенные лезвия, часы), выпускаются электротехнические изделия и оборудование, ведется сборка велосипедов.

Сохраняют значение художественные ремесла: резьба по слоновой кости, создание филигравных серебряных и золотых ювелирных изделий, работы из панье-маше, ручное ткачество.

И то следует отметить — в Дели появилось немало многоэтажных жилых домов. Это добрая примета. Город заметно расширился. Известно, что еще в 1972 году премьер-министр страны Индира Ганди бросила клич: «Долой иншету!». Этот лозунг не снят с повестки дня и сегодня.

На следующий день нас пригласили на вечер индийских классических танцев. Мир необычных для нас жестов, движений... Такое чувство, будто читаешь древний дастан-поэму: танец чудовища и юной девушки изображает поединок добра и зла... А вот другая сцена: молодой охотник с копьем в руке. Схватка с тигром. Борьба идет с переменным успехом. То кажется, что охотник сразил хищника, то зверь подмял под себя человека. Смелчак, как повествует о том танец, тяжело ранен тигром. Но, в конце концов, побеждает юноша. Все движения сопровождаются традиционной ладоритической музыкой — рагой. Вот, скажем, обессипленный схваткой охотник спускается к роднику и жадно пьет воду — музыка отчетливо передает звуки, издаваемые человеком.

Главное внимание сосредоточено на исполнителе. Национальные танцы, сохранившиеся с глубокой древ-

ности, представлены в Индии разнообразными формами синтетического характера, вобравшими в себя, помимо четких движений, и пантомиму, и музыкальные выразительные средства, что придает им неповторимый колорит и своеобразие.

Два часа пролетели незаметно. Во время народных и национальных праздников стало традицией формировать труппы, которые разыгрывают музыкальные танцевальные представления.

После достижения Индией независимости появилась новая возможность развития культуры. Созданы академия музыки, танца и драмы, которая называется «Сангит патак академи», хоровые коллективы при радиоцентрах Дели, Бомбея и других городов.

Народные театральные представления зародились в глубокой древности и ведут свое начало от разнообразных обрядов, игр и танцев племен. Многочисленные формы постановок дошли до нашего времени в малозмененном виде. Наиболее популярные формы зрелища — рамлила и кришналила, в основе сюжета которых лежат различные эпизоды из жизни эпических героев — Рамы и Кришны; между сценами исполняются бытовые интермедии — шомы, не имеющие прямой связи с сюжетом. Спектакль начинается обращением к зрителю главного певца-бивека, который затем комментирует происходящее на сцене. Действие сопровождается небольшой оркестр.

Такое песнопение мы услышали в храме Кришны в Дели. В самом центре беломраморного зала сидел пожилой мужчина, поджав под себя ноги, и протяжно пел. Мелодия, долгая, приятная для слуха, чем-то напоминает исполнение казахскими сказителями хиссы. Я заметил, с каким вниманием слушает мелодию Шамиль, талантливый домбрист-кюйши, молодой казахский композитор. Я один из поклонников его яркого таланта. Не хотелось отвлекать молодого композитора, однако желание поделиться тем, что нахлынуло на меня, оказалось сильнее, и я окликнул:

— Шамиль!

Он обернулся.

— Наша страна и Испания издавна связаны многовековой дружбой. Почему бы об этом не написать песню?

В глазах Шамиля полыхнули искорки, он воскликнул:

— Так и я о том же! Почему бы не сочинить? — он

улыбнулся и продолжил: — Будущая песня должна бытьозвучна индийским мелодиям, спокойным, размеренным, нежным. Пишите в таком случае стихи!

Где бы ни были мы после того памятного для нас разговора, Шамиль Абильтаев все время напевал что-то вполголоса. Да и я, признаться, был занят мыслями о песне. К этому времени я немало уже написал стихов об Индии, но хотелось выразить свои чувства к ней по-новому.

Как-то в свободное время Шамиль напел мне мелодию. И теперь нужны были стихи. Нелегко вложить в три-четыре строфы мысли, навеянные впечатлениями поездок в великую страну, ее богатой историей. Первоначальный вариант у меня уже был. Я прочитал стихи Шамилю. Тот стал наигрывать, повторил мелодию несколько раз, затем, взглянув на лист, стал петь уже со словами. Все как будто получилось. «Осталось выучить наизусть!» — воскликнул Шамиль и обнял меня. Так родилась новая «Песня об Индостане».

Вечером в большом, рассчитанном на тысячу человек, зале состоялось торжественное заседание, посвященное десятилетию со дня установления дружеских отношений между двумя странами. Помещение было заполнено до отказа. Одно это уже говорило о горячей любви индийцев к Советскому Союзу.

Выступил руководитель нашей делегации — министр сельского строительства Казахской ССР Корган Мусин. Он на конкретных примерах убедительно показал истоки дружбы между двумя великими государствами. Индийские друзья, произнесшее ответное слово, выразили приветливость и благодарность за теплоту и доброту отношения к ним советских людей.

Затем продемонстрировали свое искусство наши артисты. Несколько песен в сопровождении ансамбля из двух домб, кобыза, контрабаса, баяна, дойры и асатаяка исполнили Бакыт Ашимова и Корлан Халиламбекова. Зрители встретили солисток радушно. Заинтересовал слушателей и кюй Курмангазы, с которым выступил Шамиль Абильтаев. Особенный успех имел его собственный кюй — «Фараби».

Буквально покорила зал уйгурская танцовщица Гульнара Сайдова. И не только удивительное мастерство Гульнары было тому причиной — музыка, сопровождавшая танец, перекликалась с музыкой индийского танца,

а кому не приятно такое звучание? Не ошибусь, если скажу, что успеху Гульнары Сайдовой в немалой степени способствовала и игра на дойре Абдразака Хамраева. Понятие его искусство неповторимо — за движением его пальцев, порхающих над инструментом, невозможно уследить. Дойра по своему внешнему виду напоминает обыкновенный барабан. Ее еще в народе называют «дап».

Итак, наш первый концерт прошел успешно. В приподнятом настроении мы возвращались в гостиницу и вдруг стали очевидцами необыкновенного зрелища. Двор гостиницы буквально полыхал яркими разноцветными огнями. Казалось, свет излучают сами деревья, окаймляющие двор. И повсюду — ковры и ярко орнаментированные дорожки.

Как нам пояснили, шла свадьба. Не раз мы наблюдали эту церемонию в индийских фильмах, но воочию увидели впервые.

Гости постарше расположились на скамейках на дворе. Многие утоляли жажду прохладительными напитками, стоявшими на столиках. Молодые — жених и невеста — восседали на почетном месте в самом центре двора. Стола с угощением не было, да и людей, которые готовили бы еду, мы тоже не увидели. Надо полагать, то был определенный момент свадебного торжества, когда молодых поздравляют и вручают им подарки. Многие из тех, кто прибыл сюда после нас, проходили сразу к молодым и, поклонившись, вручали им подарки. Потом неспешно отходили назад. Каждый раз при этом вспыхивали огни прожекторов, жужжали многочисленные кино- и фотоаппараты.

У нас были две корзины цветов. Мы решили поднести их молодым. Сотрудник Казахского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами Сержан Галиев поздравил на английском языке молодую чету. Одна из девушек нашей делегации надела на руку невесты национальный казахский браслет, а молодой человек — на голову жениху — расшитую национальным орнаментом тюбетейку. И жениху и невесте было приятно, что советские люди разделили их радость.

Спустя некоторое время мы смешались с участниками торжества. Если бы не Мадрас, куда мы должны были лететь в четыре часа утра, то остались бы на свадьбе до конца.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ

Мадрас — один из крупных городов на юге страны. Такой же, каким я видел его восемь лет назад, разве что населения в нем прибавилось. Знакомые улицы, дома, дворцы. Снова прошел по красной набережной Мадраса, постоял у памятника Махатме Ганди. Когда-то встреча с ним пробудила во мне стихи...

Теперь наш маршрут — штат Керала. Это — самый густонаселенный штат в Индии. На его территории самое большое количество плантаций кокосовых пальм, очень много озер и речек, которые приходится обходить. В результате на двадцать пять километров пути мы затратили добрых два часа.

При въезде в небольшой городок автобус остановился, ибо следовать дальше на колесах было невозможно: все улицы заполнены народом.

Господин Шарма, мэр города, улыбнувшись, дал знак выйти. Последовав за ним, мы очутились в самой гуще народа, и тут — неожиданно! — фейерверк огней! Дым от факелов, гремящие барабаны, шумно выражавшие восторг люди буквально ошеломили нас. Так были открыты дни Казахской ССР в штате Керала.

Митинг начался сразу. Первым слово господин Шарма, секретарь Indo-советского культурного общества в этом штате. Он увлеченно говорил о достижениях нашей республики, с которой был знаком. С ответной речью выступил руководитель нашей делегации К. Мусин. С теплым приветственным словом обратились к нам и представители местных властей.

На площади, где идет митинг, яблоку негде упасть. Господин Шарма подтвердил наши предположения — сюда действительно явились все жители города, от мала до велика. В этом небольшом городке, как выяснилось, проживает двадцать пять тысяч человек. Земля штата богата, плодородна, да и люди живут зажиточнее, чем в других районах страны. Большинство населения, проживающего в штате, владеет грамотой. Порадовал и тот факт, что все дети учатся — по дороге сюда мы видели, с какими сияющими лицами бегут они в школу.

Штатом Керала долгое время руководили коммунисты. Торжественный митинг, вылившийся в большой праздник — яркое тому свидетельство. Штат располагает просторным дворцом, рассчитанным на две тысячи чело-

век. Построен он силами Indo-советского культурного общества.

После митинга мы направились во дворец. Он тоже переполнен. Черед — за нашими артистами. Теперь уже «держали речь» казахские кюн, песни, танцы. Что может быть совершеннее языка искусства? Он понятен всем. Ботагоз Байжуманова и Галия Латифова исполнили несколько казахских танцев. Девушки выглядели на сцене обворожительно — высокие, гибкие, изящные, в ярких национальных костюмах.. Зрители восторженно встретили их выступление.

В Керале мы провели несколько дней — насладились созерцанием неповторимой природы края, говорили со многими людьми, но особенно запомнился первый день пребывания здесь.

Назавтра мы осмотрели дворец под названием Дат, построенный некогда португальцами. В XVII веке он был подарен королю Индии. Здесь до сих пор хранятся принадлежавшие ему вещи.

После обеда отправились в город Трипур. Когда нас провели в помещение, отведенное для митинга, там уже собралось много народа. Наш старый друг, почтенный господин Шарма, на сей раз произнес краткую речь, и предоставил затем слово пожилому, респектабельной внешности мужчине. Услышав его фамилию — Менон, я с интересом взглянул на него. Да, это был видный деятель Коммунистической партии Индии Ачухта Менон. Вот уже семь лет он возглавляет правительство штата. Автор нескольких книг. Участвовал в переводе на язык малаялам «Капитала» К. Маркса. Много труда вложил во всестороннее развитие хозяйства края, инициатор многих демократических преобразований — способствовал передаче в законном порядке государственной земли в пользование бедноте. В настоящее время Менон — президент Indo-советского культурного общества.

Менон долго и обстоятельно говорил о дружбе, связывающей два государства, сказал много теплых слов и о Казахстане. Вместе с индийскими друзьями, которые, возможно, впервые ознакомились с одной из советских республик, слушали внимательно лекции и мы, представляющие на этой земле в данный момент Советский Казахстан.

Ачухта Менон присутствовал на концерте казахстанских артистов. Обязанности конферансье достойно исполн

нял молодой, рослый человек, приветливо улыбающийся. Он свободно переводил русский текст на язык малаялам, объясняя зрителям каждый исполняемый артистами номер. Позже мы узнали, что молодой человек — сын Шармы, Шаркан.

Шамиль Абильтаев впервые на этом концерте исполнил «Песню об Индостане». Шаркан кратко пересказал ее содержание. Упоминание имен Ганди и Неру вызвало бурную реакцию в зале — зрители наградили исполнителя дружными аплодисментами. Шамиль спел взволнованно, проникновенно. В мелодии новой песни ясно слышались индийские интонации, что, возможно, в немалой степени способствовало ее успеху — зрители тепло приняли сочинение молодого композитора. Я со своей стороны тоже был немало взволнован, поскольку являлся одним из авторов песни. Ободренный реакцией слушателей, вышел на сцену и прочитал одно из своих стихотворений.

Этот вечер остался в памяти.

Везде сопровождавший нас господин Шарма не терял времени зря. В составе нашей делегации был известный поэт, кандидат филологических наук Утеген Кумисбаев. Занимаясь изучением восточной литературы, Утеген Кумисбаев в достаточной степени освоил и арабский язык. Шарма загорелся желанием обучить его языку малаялам. С этой целью стал напевать ему в свободные минуты одну и ту же песню. Ее мы слышали каждый день, ибо этой песней, своего рода гимном заканчивался каждый вечер, проводимый с индийскими друзьями. Стоит кому-то выйти на сцену и начать ее, зал дружно подхвачивал мелодию.

Уроки господина Шармы принесли свои плоды. Утеген в конечном счете стал довольно сносно подпевать ему, что вызвало бурный восторг учителя. «Вот и отрицайте после этого, что казахский язык и малаялам не схожи!» — хохотал он.

ЧТО МЫ УВИДЕЛИ В КЕРАЛЕ

Следующий город, который ожидал нас, — Коттаям. Если вы взгляните в карту Индии и найдете там штат Керала, то непременно обратите внимание на линию, огибающую юго-западную часть моря. Эта узкая полоса

представляет собой землю, простирающуюся на 500 километров и напоминающую своими очертаниями только что народившийся месяц. Не пожалела природа для этой местности ничего — здесь множество водословов удивительной голубизны, зеленых пальмовых рощ, светлых рисовых плантаций. За созерцанием изумительного по красоте пейзажа за окном мы не заметили, как пролетели три часа.

Торжественное собрание в Коттаяме прошло в теплой, сердечной обстановке. На вечере присутствовали все руководители штата. С горячими словами приветствия к нам обратился председатель местного Indo-советского культурного общества Истас. Член нашей делегации Людмила Даулетова вышла произнести ответную речь, и первые же ее слова потонули в шуме аплодисментов. Когда Людмилу представили, объяснив, кто она и где работает, люди захлопали еще сильнее. Долго ей пришлось выдерживать паузу, прежде чем рассказать о себе.

Даулетова — генеральный директор Алма-Атинского швейного производственного объединения имени I Мая, делегат XXVI съезда КПСС, депутат Верховного Совета Казахской ССР. В своем коллективе работает около двадцати лет, прошла путь от рядовой труженицы до руководителя предприятия.

Рассказ нашей землячки произвел большое впечатление на слушателей. В заключение Людмила сказала проникновенные слова о дружбе СССР и Индии, выражила пожелание, чтобы она крепла день ото дня.

И снова — концерт, снова наши мастера сцены порадовали гостеприимных индийских друзей своим искусством...

Утром, когда нас ждала очередная поездка, господин Шарма сказал:

— Теперь вы познакомитесь с чудесами Кералы!

Довольно долгую часть пути тянулись каучуковые деревья, обозрение которых для нас, людей, не привычных к ним, составляло, разумеется, определенный интерес. Постепенно их стали сменять другие деревья. Неожиданно до нас донесся аромат чего-то очень приятного и... знакомого. Появились холмики зеленые-зеленые, будто изумрудные чаши, опрокинутые кверху дном. Это — плантации знаменитого индийского чая. Интерес казахстанцев к нему, конечно же, понятен — этот утоляющий жажду прекрасный напиток

ярзывчайно популярен в республике. Иной казах, шутят в народе, за чашку индийского чая готов отдать коня.

Мы попросили остановить автобус. Постояли некоторое время у поля. Движения рук женщин, занятых сбором чая, настолько быстры, что за ними трудно уследить. Мимо чайных плантаций мы ехали часа два. Настолько были увлечены ими, что не заметили, как очутились на крутом подъеме — дорога шла по краю обрыва. Глянешь вниз — голова кружится. Чем-то эта крутизна напоминает наши кавказские дороги. Не эту ли дорогу имел в виду, говоря о чуде Кералы, господин Шарма?.. Но нет — остановки, как видно, не будет. Автобус наутро продолжает путь. И только по истечении примерно пяти часов делаем привал на берегу озера Цериар, которое на карте называется Теккади. Некогда девственный лес по его берегам сейчас превращен в заповедник. Он — обитель всевозможных диких зверей. Заповедная зона раскинулась на 673 квадратных километра. Да, это, конечно, чудо Кералы. Прекрасная природа покорила нас с первого взгляда. Претерпеть столько дней одуряющей духоты в изнанке и очутиться в царстве зелени, где прохлада и тишина — это было великолепно! Тотчас забыли о томительно долгих часах, проведенных в дороге. Отобедав, стали знакомиться с этим поистине райским уголком природы.

Озеро Цериар — не сплошная водная гладь, простирающаяся бесконечно далеко; оно как бы лавирует между участками леса, прокладывая себе дорогу. Наш катер идет вблизи от берега. В ветвях деревьев, можно сказать, прямо над головой, резвятся обезьяны. Созерцание этих животных не в клетках, как мы привыкли видеть, а на волне производит неожиданное впечатление. От забавных обезьянок невозможно оторвать глаз. Но тут кто-то вскричал: «Вон! Вон!». Я обернулся в сторону, куда указывал мой земляк. Слоны! Самые настоящие слоны! Стоят на берегу и обливаются водой.

— Редко вот такими группами собираются дикие слоны, — заметил господин Шарма. — Вам повезло.

Катер стал приближаться к животным, и они отступили назад, настороженно закрутили хоботами. Самое забавное произошло в следующий миг: среди взрослых слонов, оказывается, был слоненок, хоботами его потеснили в центр и плотным кольцом обступили малыша. Так

и замерли: подходите, мол, теперь. Очень трогательная забота. В общем-то считается, что слон — друг индийца, поскольку он является надежным и покладистым помощником в быту. Его почитают еще и как священное животное, без которого не обходится ни один праздник. Сейчас в Индии насчитывается около шести тысяч диких слонов. Их легко, оказывается, приручить.

В лесу обитают также бизоны, антилопы, гауры, дикие кабаны, красные волки. Однако царем заповедника считается слон. Что ему тигр или даже лев?! И того и другого он спокойно может подмять своей огромной ступней. Но за три часа плавания по озеру, сколько мы ни высматривали других представителей местной фауны, так никого больше и не увидели: надо полагать, остальные животные предпочитают уединение.

Когда подошло время отправляться обратно, мы обратили внимание на группу индийских товарищ, стоявших у высокого флагштока. 15 августа. День независимости Индии! Сегодня во всех уголках этой страны поднимут национальное знамя свободы. Это стало традицией. Вот уже тридцать четвертый год отмечается знаменательный праздник. Этот день простые люди Индии празднуют торжественно, от всей души. Благодаря Дню независимости народ сам решает свою судьбу, строит новую жизнь. Главный праздник начнется в историческом Красном форте Дели. Руководитель правительства Индира Ганди обратится с пламенным словом к своим соотечественникам.

Взвился к небу флаг. Мы поздравили индийских друзей с национальным праздником.

Пора и в обратный путь. Возвращаемся вчерашней дорогой. Крохотный приземистый домик посреди густого девственного леса, где мы гостили, давно скрылся из виду, зато яркое знамя развевается на ветру, как бы прощаясь с нами.

КРАЙ СВЕТА

Сегодняшнее путешествие растянулось, на семь часов. Мы взяли курс на столицу штата — город Тривандрам. Пока что до него далековато, а сейчас мы — в Куилоне, небольшом уютном городке. Обошли его менее чем за час. После этого направились к площади, на которой должен состояться митинг.

Собрание было бурным: по всей стране праздник! И в этом городе алеет знамя независимости и свободы. Слова о дружбе, о мире сегодня звучат горячо и торжественно.

Еще одно обстоятельство стало немаловажной причиной того, что вечер прошел по-особенному тепло и сердечно. Учитывая пожелания местного населения, мы в последнее время несколько расширили программу нашего концерта, включили и чтение стихов. Читают по-русски. Их переводят. Кажется, мой выход был четвертым. Только появился на сцене, как в зале началось оживление. Все зрители почему-то повернулись к двери. Думаю, что, случилось? Появляется высокий, плотный, с густыми черными усами мужчина в белой национальной одежде. Те, что сидели в первых рядах вскочили с мест, уступая их появившемуся человеку. Когда зал успокоился, я прочитал свое стихотворение, посвященное Махатме Ганди. Позже узнал, что вошедший — господин Нарайан, руководитель правительства штата Керала. Был он тут проездом, направлялся в другой город, но пожелал встретиться с нами, казахстанцами.

После концерта руководитель нашей делегации К. Мусин пригласил господина Нарайана на сцену и накинул ему на плечи казахский чапан, не забыл и про национальную тюбетейку. Эта церемония было встречена залом бурно. Господин Нарайан поблагодарил советских товарищей за подарки и выразил самые теплые пожелания.

Прекрасный вечер завершился застольем в доме господина Ламена Флейска, директора местной фирмы. С обеих сторон прозвучали приветственные слова, затем песни — русские, индийские, казахские.

Хочется рассказать об одном эпизоде.

Сотрудником советского посольства в штате Керала был грузин Таймураз Бутуридзе. Наш соотечественник был и среди встречавших нас здесь, а потом сопровождал в поездке. Открытый душой и сердцем человек. Он познакомил нас с местными людьми, рассказал о жизни в Керале.

Послушав исполняемые песни, он вдруг спросил, воспользовавшись минутной паузой:

— Кто из вас знает грузинскую мелодию?

Стоило ему произнести это, как Бакыт Ашимова, глянув на него, улыбнулась вдруг и затянула грузинскую

песню. Таймураз едва ли застыл от неожиданности, а потом в такт песне закивал головой. Щеки его порозовели, глаза блестят, и никак не может он скрыть слезу.

Песня закончилась. Таймураз подходит к Бакыт, пожимает руку и говорит:

— Прямо как в Грузии побывал. Спасибо, дорогая!..

Как все-таки трудно быть на чужбине! И сколько наших соотечественников вдали от родной земли несут свою нелегкую, но благородную службу во имя дружбы народов.

Как ни приятен был вечер, а следовало уезжать: завтра мы должны быть в Тривандраме.

Ночь выдалась темной, и, оказывается, Тривандрам мы проехали на тридцать километров. Курортное мес-течко, где остановились, называется Ковалам. Природа — ошеломляюще живописна. Мы оказались у самой южной оконечности Индостана. Дальше — безбрежный океан, водное царство. «Это и есть, наверное, край света», — подумал я про себя. Тривандрам — небольшой по площади город, сооружения — невысоки, улицы — узки.

...Час был ранний, и мы сомневались, что народ собирается. Но зал, в котором намечался митинг, оказался переполненным. Известный в Керале писатель Ойна Курупа взволнованно говорил о тревожной в настоящий момент международной обстановке, отмечая, что Советский Союз высоко поднимает над планетой знамя мира. Затем рассказал о достижениях нашей республики, высказав много теплых слов в адрес казахского народа. Писатель нашел даже определенное созвучие в казахских и индийских песнях и танцах и подкрепил эту мысль конкретными примерами.

Министр рыбной промышленности штата Оринивазан развил мысль господина Курупа о дружбе, связывающей наши страны.

— Принимать у себя представителей великого Советского государства — большая честь и радость для нас! — заключил он свою речь.

Господин Шарма, который все шесть дней сопровождал нас в поездке по Индии, и сегодня был с нами. Ему уже за семьдесят, но сколько в нем оптимизма, неиссякаемой бодрости. Господин Шарма пользуется огромным авторитетом у соотечественников. Если непо-

вторимыми встречами в штате Керала мы обязаны Индо-советскому культурному обществу, то в связи с этим хотелось бы выразить особую благодарность и господину Шарме: он сделал много для того, чтобы индийская земля осталась в нашей памяти незабываемой.

После нашей концертной программы выступили две юные индийские танцовщицы. Мы увидели еще один образец классического танца. Длился танец около часа, но, поскольку он был сюжетный, а потому и занимательный, то зрители не заметили, как прошло время.

Концерт закончился, а зрители еще долго не отпускали актеров. Корлан Халиламбекова настолько была тронута доброжелательностью зрителей, что запела известную всему миру «Катюшу». Мы дружно подхватили песню, которой закончилась наша последняя встреча в штате Керала.

Мы, казахстанцы, обрели новых друзей. Оказалось, что здесь, на «краю света», у нас их много.

Расставаться было нелегко.

БЕСЕДЫ В БОМБЕЕ

В Бомбей мы прилетели днем.

На собрании в Доме советской культуры с приветственным словом к слушателям обратился директор Казахконцерта Асылгазы Бекбауов. Он поведал об искусстве казахского народа. Затем Сержан Галиев рассказал о работе обществ дружбы двух стран. Узбек Фаттах Тешабаев вел собрание, он выступил последним. Взволнованно и проникновенно он говорил индийским друзьям о Советском Казахстане. Сначала Фаттах говорил на английском языке, потом перешел на хинди. Аудитория заметно ожила. Фаттах Тешабаев — представитель Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами в Индостане.

На этом вечере мы вновь встретились со своим старым знакомым — адвокатом Хегде. Разговорились. Узнав, где мы остановились, он на следующий день разыскал нас.

Когда собрание закончилось, я попросил Фаттаха Тешабаева познакомить с известным в Бомбее индийским поэтом Сардаром Джадири. Он ответил:

— Сардар Джадири, к сожалению, в отъезде. Но есть

у нас другой известный поэт, Аванти Даве, который работает ответственным секретарем Совета гуджаратской литературы. Сейчас, кстати, должен прибыть.

Не успел Фаттах произнести это, как на пороге появился Аванти Даве. Фаттах направился ему навстречу. Мы познакомились. Завязалась интересная беседа. Оказывается, уже три сборника стихов Аванти увидели свет. Не преминул сказать он, что с глубочайшим уважением относится к русской классической литературе, его любимые авторы — А. С. Пушкин, А. М. Горький, А. П. Чехов. Перевел на родной язык некоторые произведения Лермонтова и Чехова. По мере сил и возможностей участвует в пропаганде советской литературы. Поэт сообщил, что перевел на родной язык стихи Константина Симонова и Олжаса Сулейменова.

Аванти поделился со мной проблемами книгоиздательского дела в своей стране.

— Есть у нас единственное государственное издательство, которое выпускает политическую литературу, а художественные произведения опубликуешь, если найдешь соответствующий подход к хозяину частного издательства. Темы? Пишем о сегодняшней жизни, о волнующих трудящихся проблемах. Прогрессивная реалистическая литература призвана приносить пользу человеку, влиять на его деятельность, помогать в разрешении многих жизненных вопросов, приобщаться к высоким идеалам. Роль художественной литературы в воспитании людей грандиозна.

— Как у вас обстоит дело с обсуждением публикуемых произведений? — спросил я.

— Ежегодно проводятся совещания писателей, но конкретного делового обсуждения художественных произведений не бывает. Я же говорил, что судьба той или иной книги в руках отдельных лиц. Автор зависит от них. Есть у нас и женщины-писательницы. Всего в нашем штате около двухсот пятидесяти прозаиков. В несколько выгодном положении — поэты. Во-первых, у них больше возможностей обмениваться мнениями и обсуждать тот или иной сборник. Во-вторых, наши поэты во главе с Сардаром Джадри частенько проводят нечто вроде семинаров с начинающими авторами. Большой частью подобные семинары помогают организовать телевидение. У нас ведь, видите, как народ любит песни, стихи...

— Да, в этом мы не раз убеждались.

— Благодаря кино этот вид искусства популярен в нашей стране и с каждым днем получает все более широкое развитие.

Я поинтересовался формами современного стихосложения. Индийцы обычно читают нараспев. Оказалось, что определенной системы в построении поэтической речи поэты не придерживаются. Мера ритма у каждого стихотворца — своя, отсюда и не столь строгие требования к слогу.

Зазвонил телефон. Фаттах, извинившись, взял трубку:

— Да, да, он здесь, у меня. Хорошо.

Положив трубку, он повернулся ко мне:

— Господин Хегде, ваш друг. Потерял вас. Сейчас подъедет.

Я поблагодарил Аванди Даве за беседу и подарил ему переведенную на хинди эпопею «Абай» М. Аузова.

Господин Хегде появился на пороге и пригласил пообедать в ресторан под названием «Самовар».

В Бомбее я третий раз и столько же бываю в обществе господина Хегде. По специальности он — адвокат, тем не менее эта хлопотная профессия не мешает ему быть активистом Indo-советского культурного общества. Хегде — один из многих наших друзей, вносящих посильный вклад в дело укрепления дружбы между двумя странами.

За обедом мы разговорились. Сын его, Александр, через год окончит институт во Львове.

— Намерен остаться в аспирантуре, — сказал господин Хегде, а потом добавил: — Состарились мы.

— Что вы, — возразил я, — и в шестьдесят пять вы выглядите куда моложе своих лет!

Адвокат улыбнулся:

— Но ради дружбы стоит, я думаю, поработать еще.

Я вспомнил нашу встречу два года назад, когда посвятил неутомимому господину Хегде стихотворение, вошедшее в сборник, изданный на казахском языке.

В каждом штате Индии говорят на своем наречии. Город Бомбей относится к штату Махараштра, и основной язык здесь маратхи. Но Аванди Даве, например, с которым беседовал недавно, изъясняется на гуджаратском наречии. Господин Хегде говорит сейчас со мной на языке каннара. И по национальности он каннара. Эта народность в Индии насчитывает двадцать четыре миллиона человек.

Наша беседа затянулась бы надолго в тот день, если бы я не изложил сокращенные слова господину Легде.

— Вы из Советского Союза?

Я кивнул, хотя и догадался о фразе.

— Да, мы не ошиблись.

Не вопросу ее удивился, а тому, что она спросила на русском языке. Вижу, господин Легде удивлен не меньше. Наша беседа обрывалась.

— Пardonте, я учила, что вы говорите по-русски. Вот же... писала.

— А нам, простите, хочется узнать, кто вы. Откуда вы знаете русский?

— Зовут меня Лилья. С совсем幼ко учились. Потом такая есть — папка. Лилья... Лилья... учились. А русскую я изучала в Москве, когда училась там.

— В Москве?

— Отец мой еще там. Работает в издательстве «Прогресс». Может, знает Малку Маленкину изнутри. Недавно я побывала в столице ССР. Училась русскую речь — и не сбивалась. Москва стала для меня родной...

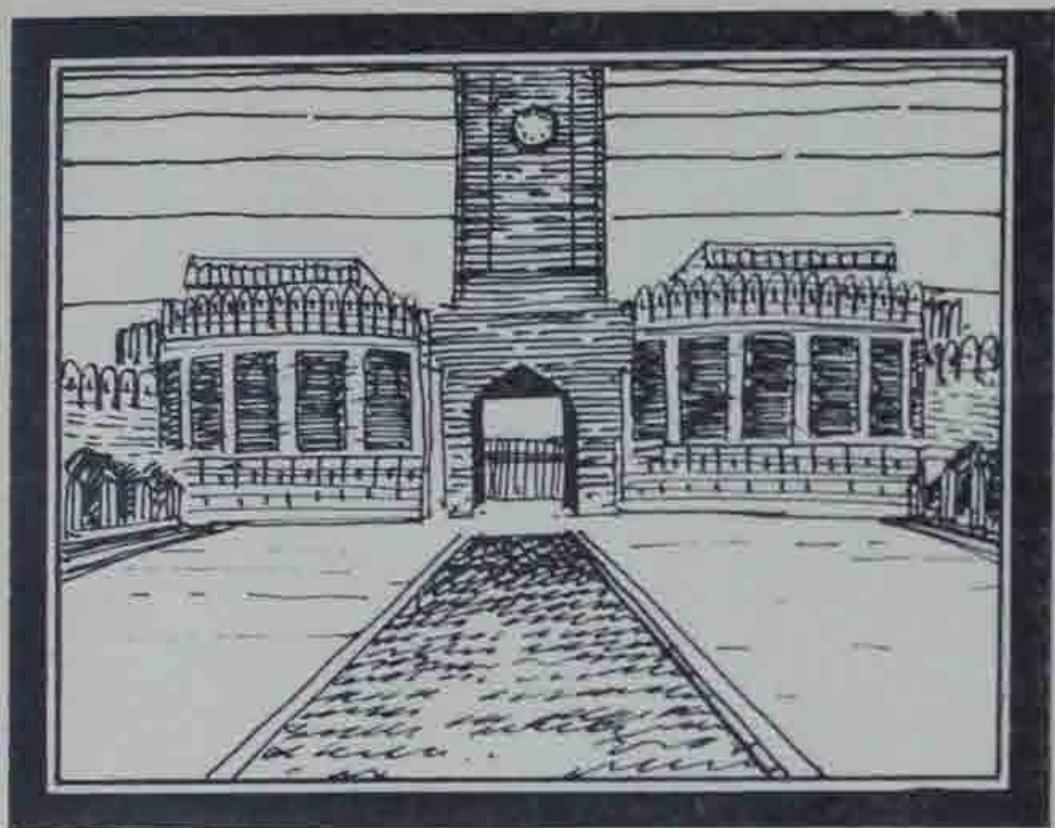
Я был благодарен ее родителям, сумевшим воспитать склонную дочь. Живет, как выяснилось, в Дели. Увлекается фотографией. В Бомбей приехала на выставку своих работ.

Все четыре стены довольно просторного зала училища фотографии. Сложены из окон и дверей. Персонажи всех возрастов — от детей до стариков — запечатлены в действии, в движении. Суметь уловить мгновенные жесты и настроения — для этого надо иметь острые глаза. Искусство Лильи покорило нас.

Господин Легде проводил меня до гостиницы. Протянул руку на прощание, и сказал:

— Я в Бомбее в третий раз. Теперь ваша очередь. До встречи в Алма-Ате!

На другой день, вернувшись в Дели, мы стали собираться домой. Трудно передать словами то состояние, которое испытываешь, когда покидашь полюбившуюся страну, другой. Казаки говорят: «Человека, которого один раз увидишь, — забомбишь в лицо, во второй — он тебе уже знакомый, а в третий — родственник». О встречах с прекрасными людьми этой незабываемой страны я хотел писать без устали. Во имя дружбы двух великих государств, во имя будущего чудесной страны — Индии.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АФГАНИСТАН

КОНТРАСТЫ КАБУЛА

Афганистан — издавна наш старый и добрый сосед. Договор о дружбе с молодой Советской Республикой эта страна заключила в 1921 году! Апрельская революция еще более сблизила отношения двух государств.

27 апреля 1978 года. Этот день золотыми буквами записан в историю Демократической Республики Афганистан, в корне изменил устоявшиеся традиции патриархальной жизни и стал поворотным в судьбе афганского народа. Рабочие и крестьяне под руководством Народно-демократической партии взяли власть в свои руки. СССР первым заключил с ДРА договор о взаимной дружбе и сотрудничестве.

Всемерную экономическую поддержку оказывает этой стране наше государство. При технической и финансовой помощи СССР здесь сооружены хлебокомбинат, асфальтобетонный и авторемонтный заводы в Кабуле, ирригационный канал и плотина на реке Кабул в районе Джелалабада, механизированный порт Шерхан на реке

Пяндж, автодорога Пули — Хумри — Шариф — Шибарган.

Кабул — столица ДРА — древний город с муданским населением. Расположен у подножья горного хребта Гиндукуш. Особую привлекательность городу придают кварталы новых жилых домов, построенных с помощью Советского Союза.

Пешеходы не спешат. Лица у всех — открытые, ясные. Поступь — уверенная, размашистая. Новая жизнь прочно обосновывается в стране, и люди, как видно, довольны ею.

В Афганистане 18 миллионов жителей, представители свыше 20 народностей, принадлежащих к различным языковым группам. Более половины из них составляют афганцы. В ряде западных и северо-восточных провинций живут таджики, на севере — узбеки и туркмены, в центральной части — хазарейцы, в горах — чаараймаки.

После революции одной из основных задач нового правительства было принятие земельной реформы.

Раньше 9/10 афганцев занимались сельским хозяйством. Огромная масса населения была либо безземельной, либо малоземельной. Одна треть обрабатываемой земли принадлежала горстке феодалов (2,9 процента землевладельцев), каждый из которых владел более чем 6 гектарами поливных земель. 35 тысяч феодалов обладали большими владениями и имели вассалов — помещиков средней руки, кулаков.

От феодалов в деревне зависели все: беднота, потому что для нее единственным источником средств к существованию была аренда земли или батрачество у феодала или его челяди; середняки, потому что богатеи владели источниками воды. Таким образом, даже владелец земли был зависим от бая: тот мог дать или не дать на поле крестьянина воду. Все вынуждены были пресмыкаться перед ханами — носителями реальной власти на местах.

Ханы держали отряды стражников, оружием утверждавших произвол богатеев и живущих поборами с населения. Хан подкармливал мулл и религиозные авторитеты, без которых не решалось ни одно важное дело в крестьянской среде. От ханов и богатеев, от служителей религии полностью зависели местные власти. Их назначали по рекомендации ханов, и ни один из них не про-

держался бы и дия без ханской поддержки. Из этого порочного круга простому человеку вырваться было невозможно.

Скажем, хан решил использовать старинную традицию «ашара» (взаимопомощи), чтобы бесплатно собрать урожай в своем саду. Староста оповещал деревню об «ашаре» у хана, и попробуй уклонись от «приглашения». Храбреца ждала неотвратимая кара. Через какое-то время он не получал воды на полив, к нему мог явиться стражник и потребовать оплаты фальшивой долговой расписки, предъявить претензии по ложным спорам, обвинить его несовершеннолетнего сына в уклонении от воинской повинности и ничего не докажешь, потому что всегда неграмотный и бесправный крестьянин натыкался на людей хана.

Естественно, что в наиболее беспросветном положении находились крестьяне-арендаторы. Капитализм только что еще начинал проникать в афганскую деревню, и никто из помещиков не вел крупного хозяйства, все земли раздавались в аренду за натуральную плату. В зависимости от района и качества земли она устанавливалась в пределах 5/6—6/7 урожая.* Стражники помещика наблюдали за тем, как трудятся семьи арендаторов, все ли дети, способные ходить, работают, не угравляется ли продукция, не едят ли дети зернышек из опавших колосьев. За «лень» и «непослушание» наказывали кнутом и палками, отбирали дочерей в дом хана, штрафовали, уменьшая и без того ничтожные заработки крестьянина. Из доставшейся ему доли он должен был выделить части для муллы, старосты, полицейщика, распределяющего воду по полям, кузнеца, плотника, для подношений потомкам пророка, а также для возвращения долгов хану. В конечном итоге на пропитание семьи оставалось очень мало — иногда даже на месяцы, на считанные недели или дни, и крестьянина все глубже залезал в неоплатные долги, практически превращался в раба. Неудивительно, что большинство крестьян питались лепешками с чаем, луком и морковью, не имели представления о теплой одежде, в мороз ходили в галошах на босу ногу, не имели средств, чтобы застеклить окна в доме.

Обнищание трудовых масс, бесправие подоказало народу выход из создавшегося положения. Грянула революция, она разрушила трагический порочный круг

зависимости, от которого веками страдал афганский труженик. В уездах, волостях появились представители революционной власти, у которых крестьяне могут найти справедливость.

Есть традиция — начинать знакомство со страной или городом, если желаешь узнать историю их возникновения и развития, с музея. Мы не нарушили ее.

Музей в Кабуле — подлинная история Афганистана. В нем собраны экспонаты, свидетельствующие и о далеком прошлом, и о настоящем страны.

Афганская территория не раз подвергалась нашествию иноземных захватчиков. Одно время здесь господствовали эфталиты, затем подданные Западно-Тюркского каганата и Сасаниды; в VII—VIII веках этой землей полностью и безраздельно завладели арабы, власть переходит в руки Тахири, Саффари, Семари, Газневи, Гури. В XIII веке ее захватывают монголы. И начиная с XIV века здесь, наконец, складывается общность людей, известных ныне в истории под именем афганского народа. Общегосударственные языки — пушту и дари.

В 1504 году землю афганцев завоевал Бабур, и город Кабул стал столицей Великих Моголов.

Лишь с 1818 года Кабул превращается в центр Афганского государства. Но с 1838 по 1842 и с 1878 по 1880 годы афганский народ ведет упорную борьбу против английских империалистов, пытавшихся силой подчинить страну своему колониальному господству. В свое время страна два раза давала отпор англичанам, изгоняя их из своей территории, во полностью избавившись от иностранного вмешательства так и не смогла. Только в 1919 году с приходом к власти хана Амануллы Афганистан провозглашается независимым государством. Советское правительство было первым, кто признал его независимость.

Однако и после провозглашения независимости английские колонизаторы предпринимают ряд тщетных попыток подчинить Афганистан своему влиянию. Так, в 1929 году они снова обосновались в этой стране, но ненадолго. В конце концов им пришлось покинуть многострадальную афганскую землю.

Нет необходимости перечислять имена многочисленных шахов, приходивших к власти со времен господства Великих Моголов. Все богатства вельможных чинов-

ников, накопленные ценой страданий простого люда, стали музеинм достоянием...

Мы побывали в различных уголках города. На холме — старая крепость, занимающая весь склон высокого кургана — от подножия до самой вершины. Она известна под названием Бала-Хиссар и выстроена примерно в V веке, но до сих пор сохранилась хорошо.

Когда мы проходили по величественной площади мимо здания правительства — Дома народа, гид Юсуф Собир обратил наше внимание на одно обстоятельство. «Вы находитесь, — сказал он, — на историческом месте». Именно здесь были разнесены в пух и прах железные оковы старой жизни, подавлявшие волю и дух по-рабощенного колонизаторским режимом афганского народа. 27 апреля 1978 года пришел конец его терпению — с этой площади и началась осада королевского дворца. Ничто уже не могло противостоять воле народа. Останки подбитого танка на гранитном постаменте в самом центре площади — свидетельство того, что он первым пробил стену дворца.

Незадолго до этого мы возложили цветы к памятнику неизвестному солдату — символу всех погибших в борьбе за независимость родины.

Одна из достопримечательностей Кабула — сад Бабура, расположенный у подножия кургана Шердарвазы. Холм имеет строгую коническую форму, и создается впечатление, что он тоже — творение рук человеческих. Он напоминал мне казахскую юрту с открытым верхом — тундиком.

В свое правление потомок Железного Тимура не ограничился, как известно, завоеванием афганской территории — он подчинил себе и северные районы Индии, создав таким образом могучую территориальную базу для Могольской империи.

Грозный полководец был в то же время поэтом и писателем. Его сочинение «Бабур-намэ» — образец литературного наследия народов Азии.

Мы побывали и в новых районах Кабула, где находятся главные банки страны, конторы иностранных фирм и правления крупнейших торговых акционерных обществ, новые жилые кварталы.

Юсуф Собир сообщил нам: правительство приняло постановление, по которому берется курс на коренную реконструкцию столицы Афганистана. Будут возведены

сооружения новой, современной планировки — высокие, просторные, вместительные. Это — новые корпуса административных учреждений, жилые дома, кинотеатры, библиотеки, больницы, стадионы. Все проводимые мероприятия проникнуты заботой о народе.

Кабулу цветы, и чудеса его — впереди!

НАСТОЯЩИЙ ПАТРИОТ

Мы направляемся в город Джелалабад. Он находится в 120 километрах восточнее столицы.

Очень скоро мы оказались в ущелье посреди устремленных к небу пиков Гиндукушских гор. Внизу с грохотом в брызгах пены несетя горная речка Кабул.

— Мы следуем на высоте 1500 метров над уровнем моря, — сообщил нам Юсуф.

Впечатление такое, будто не едем, а летим. Глянешь вверх — голова кружится, кажется, что вершины застыли в стремительном рывке.

Горы Гиндукуш неприветливы с виду. Слоны голые, обветренные. Ни кустика, ни деревца, ни даже травки какой-нибудь! Зигзагов и поворотов дороги не сосчитать. Как же ее строили?

Трасса, по которой мы сейчас следуем, является жизненной артерией государства. В крае, где раньше не знали другого транспорта, кроме лошадей и верблюдов, первым делом, когда страна обрела независимость, была предпринята попытка построить дорогу. Но собственными силами выполнить это не удалось, и афганцы попросили помочь у Страны Советов. В 1926 году в Афганистан прибыла первая группа советских специалистов, которая занялась изучением и обследованием местных горных районов. Созданный ими проект получил утверждение, но из-за нехватки средств строительство передвинулось на более поздние сроки. Десять лет с помощью Советского Союза возводилась эта трудная дорога, соединившая юг и север Афганистана. Она пересекает перевал Саланг, высота которого 3360 метров над уровнем моря. Есть места, в которых дорога пробивается через кряжи трехкилометровой длины...

Афганцы не забывают, что самые важные и значительные для народного хозяйства дороги построены с

помощью Советской страны. Автомобильные шоссе — пока что основное средство сообщения в государстве.

Вот уже достигли подножия гор. Там и тут стали встречаться отдельные домики, небольшие постройки. Это — частные хозяйства. Новая реформа о земле постепенно входит в силу.

Джелалабад — небольшой городок, но на улицах его многолюдно. Повсюду — лавки, где оживленно ведут торговлю кустари и где, как всегда, толкутся покупатели. Я говорю «толкутся», потому что не видно, чтобы люди что-либо покупали. Торгуются и отходят. Лавочники же, как я заметил, особого огорчения от этого не испытывают. Ведут между собой нескончаемые разговоры, с удовольствием попивают чай.

Народ в национальных одеждах. Мужчины — в чалмах или просто в платках, наброшенных на голову, женщины — в паандже. Городской транспорт — все больше подводы и фаэтоны с впряженными в них лошадьми, украшены цветами, лентами, кистями — все таких пестрых оттенков, что рябит в глазах. Такое впечатление, будто хозяева состязаются в искусстве украсить свое средство передвижения. О лошадях и говорить не приходится — порой не разберешь, какой они масти, до того обвешаны разными гирляндами и кусками ткани.

Обращают на себя внимание вооруженные солдаты. Это понятно. Нелегко, конечно, богатым воротилам, привыкшим господствовать над народом, отказаться от посягательств на его свободу, от былой власти и могущества. Обстановка в республике такова, что в любую минуту можно ждать какой-нибудь провокации со стороны афганской реакции — бывших феодалов, басмаческих банд. По этой причине создан высший совет обороны ДРА. Новое, как известно, прокладывает себе дорогу. Потому-то днем и ночью на страже спокойствия народа стоят солдаты революции.

В Джелалабаде жарче, чем в Кабуле, хотя покрытые снегом горные вершины рядом. Мы прошли довольно-таки большое расстояние, прежде чем остановились у высокого кургана. Перед нами — экзотический Музей буддийской культуры. Он наполовину погребен под песком! Можно вообразить, сколько тайн скончено здесь. Тут и там виднеются скульптуры, которые до сих пор не реставрировались. Судя по едва выступающим краям толстых столбов-опор, по ступеням, уже расчищенным от пес-

ка, по каменным, украшенным резьбой стенам, это — дворец, причем внушительных размеров. Один из афганских королей — выходец из Индии, правивший во II веке по нашему летоисчислению, построил этот величественный подземный храм.

Многочисленные памятники древности, обнаруженные под курганом, стали в настоящее время достоянием музея. Среди встретивших нас особенно запомнился один сарандуй, то есть охранник. Так работники музея имеют себя сами, не желая называться по-старому — полицейскими. Зовут молодого человека Маланг. Он — член Народно-демократической партии Афганистана.

Маланг предвосхитил наше любопытство, высказался сам, не ожидая наших вопросов.

— Власть наконец-то ваша, народная, — сказал он, улыбаясь. — Она в руках трудящихся. Народ столько времени гнул спину под подневольным трудом! Мы рады, что завоевали свободу. Ваша страна первая поддержала нас, оказала большую помощь, и мы этим гордимся. Теперь уже никакая сила не свернет нас с пути, по которому идем. До последней капли крови, до последнего дыхания мы, революционеры, будем защищать наше новое правительство, родную демократическую республику!

Маланг произнес это с воодушевлением, выражение его лица стало серьезным, сосредоточенным. Трудно было добавить что-либо к его словам. Но я, взволнованный, все же произнес:

— Если все твои соотечественники думают так же — остается только приветствовать завоевания апрельской революции. Пусть сбудутся твои слова, друг!

Мы крепко пожали на прощанье руку Малангу.

Следующий город, в котором мы должны побывать, — Газни. Он расположен юго-восточнее Джелалабада, в 180 километрах от Кабула. Дорога к нему оказалась прямой, равнинной. Газни считается одним из старинных городов на Востоке. Периодом наивысшего расцвета его историки называют промежуток между X и XII веками. В это время Газни — столица государства, которым правила династия Газневи, один из крупных торговых и культурных центров всей Средней Азии. Как и всем древним правителям, Газневи была присуща страсть к безраздельному господству, власти, к насилистенному захвату чужих территорий. Но в истории эта династия известна и как прогрессивная. Ее представители уделяли

большое внимание развитию науки и культуры. В период их господства жили и творили такие ученые, как Бируни, Фирдоуси.

В середине XII века Газни разрушили завоеватели династии Гури. Затем на смену им явились хорезмские шахи, династии Курта, Тимура и Великих Моголов. И лишь с 1747 года город вошел в состав Афганистана.

Яркую память о себе оставил здесь султан Махмуд. История свидетельствует, что в династии Газневи этот правитель был самым деятельным и воинственным. За время своего правления он сумел подчинить себе север и северо-запад Индии, Афганистан, Иран, а также некоторые районы Средней Азии. Выложенная из мрамора усыпальница султана Махмуда — роскошный дворец. Время не оставило на нем следов, сооружение выглядит безупречно. Правда, англичане-колонизаторы увезли ворота, но двадцать лет назад их соорудили заново.

Осмотрели музей некоего Абдразака. Находится он в саду Ферузы и представляет собой собрание различных ценных предметов древности — обломки стен, кувшины невероятных размеров, каменные изваяния неведомых зверей...

А вот перед нами две вышки, напоминающие Александрийский столп в Ленинграде. Одна из них воздвигнута в честь очередной победы султана Махмуда, вторую построил его сын. Отец султана Махмуда — Себуктегин — много труда и сил отдал укреплению государства Газневи. Его могила одиноко возвышается на отшибе, у самого основания горы.

Есть крепость, которая находится в самом городе, на горе. Она огорожена частоколом. Здесь, как сказали нам, располагался старый Газни. Стены крепости обвалились, рассыпались, да и от древнего поселения ничего не осталось. Но, созерцая эти останки, мы будто раскрыли еще одну страницу истории древнего мира, прочитали живую летопись города. Да, чего не видел, не претерпел ты, Газни, но разве не сейчас настали твои лучшие дни? Доказательством тому — многочисленные альные плакаты на фронтонах домов: «Защитим революцию!», «Да здравствует Афганистан!».

Невольно вспомнилось одухотворенное лицо Маланга — сарандуя музея в Джелалабаде. Как он сказал? «...Теперь уже никакая сила не свернет нас с пути, по

которому идем...» Это слова настоящего патриота страны. Да будет так!

С добрыми пожеланиями счастья и процветания народу Афганистана мы вернулись в Кабул...

СРЕДИ СТУДЕНТОВ

Каменистые дорожки, зеленые тенистые скверы, экзотические деревья, газоны, украшенные цветами... Трехэтажные корпуса строгих зданий вытянулись в одну безукоризненную линию. Воздух необыкновенно чист и свеж, дышится легко и привольно. Попачалу мы даже подумали, что это — дом отдыха или санаторий. А оказалось — политехнический институт! Афганцы его называют еще университетом.

Институт выстроен двенадцать лет назад с помощью Советского Союза. Примечательно, что при закладке фундамента вуза на торжественном церемониале присутствовал Леонид Ильич Брежнев. Этот факт символизирует дружеские отношения между нашими двумя странами.

Ректор института Хайр Мухаммед Махмуд прекрасно изъясняется по-русски: в 1972 году он окончил Харьковский государственный университет, в 1975 году — аспирантуру. Кандидат химических наук. По возвращении на родину работал сначала преподавателем в институте, а затем был назначен ректором.

Кабинет его просторен, уютен, располагает к беседе.

— Добро пожаловать к нам, друзья! — сказал Хайр Мухаммед Махмуд. — Спасибо, что выбрали время и посетили именно наш институт. Вы, наверное, уже слышали, что построен он с помощью Советской страны. Мы никогда не забываем об этом, тем более, что СССР продолжает помогать в подготовке молодых специалистов. Здесь работают преподаватели — ваши земляки. Нам еще потребуется немало времени, чтобы подрастить свои собственные кадры. Когда-то Советское правительство первым признало независимость Афганистана. Так же воодушевленно оно приняло и апрельскую революцию и снова протянуло нам руку помощи. Как же после этого не благодарить Советский Союз? Себя я, например, считаю активнейшим членом Афгано-советского общества дружбы.

После такого взволнованного вступления Хаир Мухаммед Махмуд перешел к рассказу об институте.

— Сейчас у нас обучается 1800 студентов, а в ближайшее время думаем довести их число до 2200. Срок обучения — пять с половиной лет. Открыли мы и аспирантуру. Но диссертации пока что защищаем в Советском Союзе. Семь кафедр готовят химиков, технологов, строителей, гидротехников, геологов, автодорожных строителей. В программу обучения очень скоро будет введен курс марксизма-ленинизма. В перспективе открытие философского факультета. 340 человек в институте — члены Народно-демократической партии Афганистана, 600 студентов — члены Демократической молодежной партии.

— Какие условия созданы для студентов? Как обстоит дело с учебой у девушек?

— Раньше большей частью учились дети состоятельных родителей. После революции двери института открылись для всех. В настоящее время назначены стипендии. Студенты из малообеспеченных семей получают трехразовое бесплатное питание, обеспечиваются общежитием. Стараемся по возможности создать все необходимые условия для того, чтобы наши воспитанники успешно учились.

Махмуд помолчал, а затем продолжил:

— Избавиться от пережитков феодализма в предельно сжатые сроки нелегко. Исламская религия пустила глубокие корни, и положение наших женщин пока незавидное. Сложно сразу ломать традиции и обычаи, внедряющиеся в сознание людей с давних времен. Нужен для этого срок, и немалый. Правда, новым правительством принят декрет о равенстве мужчин и женщин. Он претворяется в жизнь. Но, сами понимаете, для осмысливания всего нового в первую очередь нужны знания. А у девушек и женщин из бедных семей не было возможности для учебы. Да женщины практически и не принимали участия в общественной работе. По этой причине новый декрет, известный под номером 10, имеет для нас большое значение. Он направлен на борьбу с неграмотностью и привлечение женщин к общественной деятельности. Надеемся, что скоро число студенток у нас увеличится. Пока обучается лишь 10 процентов их — 180 человек.

Ректор подробно остановился на многих других проблемах, еще требующих разрешения.

Затем предложил прописовать на защите дипломных проектов.

И вот мы идем по чистому длинному коридору. Надписи на дверях — какой факультет, какая кафедра... В одной из просторных аудиторий заседают члены экзаменационной комиссии. У большой доски стоит девушка. Студентка говорит четко, спокойно, уверенно. Тема ее дипломной работы связана с проблемами разработок нефти в стране. Ответы, судя по тому, как на них реагирует комиссия, безусловны. Мы все проявились симпатией к выпускнице, которая вот-вот должна стать инженером. Нет сомнения, что она в будущем станет хорошим специалистом. И не только специалистом, но и примером для многих своих соотечественниц, которые навсегда распрострятся с темпой нынешства.

Председатель экзаменационной комиссии в заключение отметил, что этот дипломный проект можно использовать в практической работе. Дипломную работу комиссия оценивает на «отличок», а выпускница достойна того, чтобы присвоить ей квалификацию инженера.

Потом мы осмотрели институтский исторический музей. История афганской земли запечатлена здесь в иллюстрациях и картинах. Интересен и геологический музей, в котором выставлены образцы найденных в стране драгоценных камней и различных руд.

День ото дня крепнет наша дружба. Высоко развивается революционное знание Афганистана. При содействии Советского Союза и социалистических стран в республике строятся школы, детские сады, домостроительные комбинаты.

Революционный Афганистан — как сокол, который вот-вот взлетит ввысь. Ему осталось лишь широко разправить крылья...

ОТКРОВЕНИЕ У МОРЯ

Какая благодать — быть у моря в знойный августовский день! Прозрачный, напоенный солнцем воздух, жаркий песок, прохлада, которой дышит водная гладь.. Здесь прекрасен отдых. Дом творчества Литфонда в Пицунде — самое что ни на есть подходящее место для отпуска. Кто-то приезжает сюда с семьей отдохнуть у моря после напряженных трудовых будней, а кто-то, чтобы засесть за сочинение, которое давно выношено в голове. Здесь не обходится, конечно, без встреч с коллегами из братских республик, с которыми и посоветоваться можно по какому-либо вопросу, и поделиться творческой задумкой, а то просто отвести душу за приятной беседой. От своего земляка, который прибыл сюда раньше, узнал, что здесь находятся узбекские и таджикские писатели, а также гости из-за рубежа — из Афганистана, ГДР, Аргентины, Франции.

— Кто же из Афганистана? — вырвалось у меня неизвестно:

— Председатель Союза писателей, говорят.

— Асадулла Хабиб, значит.

— Знакомы?

— Нет, заочно знаю.

— В таком случае вот он, — указал мой собеседник.
Говорит ли Хабиб по-русски? — думал я дорогой.

Желание поговорить с афганским коллегой было настолько велико, что всякие сомнения относительно того, состоится разговор с ним или нет, я отбросил в сторону.

В 1979 году, побывав в революционном государстве, я написал цикл стихов под названием «Под небом Афганистана», который вошел в поэтический сборник «Друзья, друзья...», вышедший из печати в прошлом году. С дарственной надписью выслал эту книгу Асадулле Хабибу. Получил он ее или нет? Хотелось знать. В год нашего посещения Афганистана Союза писателей там еще не было. О его создании и о том, что председателем стал Асадулла Хабиб, я узнал из «Литературной газеты».

Время было послеобеденное. Большинство отдыхающих подались к морю. Хабиб тоже был на берегу, правда, он облюбовал себе более уединенное место. Это было мое на руку, — можно, значит, действовать смелее, никто не помешает.

— Здравствуйте! — приветствовал я его.

Мужчина, глянув на меня, улыбнулся.

— Добрый день! Присаживайтесь! — сказал он по-русски, чему я нескромно обрадовался.

Я, конечно, представился.

— Так это вы, значит? Получил вашу книгу. Не знал только, как ответить, и вот... Как же это хорошо все образовалось-то, а?... — и уже более доверительным тоном добавил: — Позвонили мне как-то из посольства и говорят: «На ваше имя получена книга из Казахстана». Спасибо. По-казахски-то читать я не умею, но вижу — алфавит схож с русским, разобрал помаденьку, что там про Афганистан есть строки. Как же разосадовался, что прочитать не могу! На русский эти стихи не переводились?

— Только переводятся.

— Когда будут готовы, вышлите, пожалуйста.

— Непременно это сделаю.

Я замешкался, не зная, как продолжить разговор, так хорошо начавшийся, но тут подбежал маленький мальчик и прижался к Асадулле. Потом потянул его за руку,

зошли, мол. Вслед за малышом появилась молодая симпатичная женщина.

— Познакомьтесь,— спохватился тотчас Асадулла, — моя жена Сурая. Ну, а его, — потрепал он мальчика за волосы,— зовут Бахрам.

Судя по тому, что Сурая ничего не сказала в ответ на мое приветствие и только кивнула, улыбнувшись, она не знала русского. Курчавый Бахрам о чем-то настойчиво просил родителей. Я решил не мешать семье. Поднялся и спросил:

— Может быть, поговорим, когда у вас выдастся свободный часок? Как вы на это смотрите?

— Да, конечно,— сказал Асадулла Хабиб.— К тому же вы как земляк мне — побывали в Афганистане, и есть о чем вспомнить. Давайте-ка завтра, после обеда.

— Добро!

На следующий день, как было условлено, мы встретились. Узнать хотелось о многом. В первую очередь я поинтересовался творчеством кабульских поэтов Сулеймана Лаека и Бахтани.

— Они сейчас на ответственных постах,— сказал Асадулла. Лицо его приняло сосредоточенное выражение.— Сами знаете, какие беды нависли над нашей страной. Враги рвутся со всех сторон, активизируя внутренние контрреволюционные силы. Афганские патриоты живут напряженной жизнью, полной героическим смыслом борьбы против врагов революции и завоеваний социализма. Годы после апрельской революции стали временем высочайшей самоотверженности и подъема народного духа.

Все сознательные граждане Афганистана, независимо от специальности, занимаются работой, которая необходима в настоящий момент. Сулейман Лаек — один из видных наших поэтов — министр по национальному вопросу. Бахтани — редактор газеты «Гиуват» («Родина») на языке пушту. Есть среди них и такие, которые накопили многолетний опыт творческой работы, а не имели возможности выпустить ни одной книги. Новое правительство вплотную приступило к разрешению этого вопроса.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о деятельности Союза писателей.

— Для наших литераторов это была довольно-таки сложная проблема — иметь свою организацию. Ее созда-

кое мы относим к завоеваниям апрельской революции. Насчитывает она около двухсот членов. Мы принимаем всех талантливых и молодежь в частности. Центральный совет Союза писателей состоит из пятидесяти человек. В настоящее время у нас действуют секции устной литературы, художественного перевода, поэзии, публицистики, литературной критики. Есть комиссии по работе с авторами детской, юношеской и военной литературы. В таких городах, как Герат, Бадахшан, Нельманд функционируют отделения Союза писателей. Разумеется, нам потребуется много времени, чтобы все наши земли стабилизировали свою деятельность. Писательская организация пока что не имеет своего печатного органа.

— Но это, видно, дело будущего?

— Безусловно! Подождать придется немногого. Быстро бы разделаться нам с внутренними и внешними врагами!

— Какая молодежь приходит сейчас в литературу? Кого бы вы назвали из числа талантливых?

— Среди прозаиков — Акрам Осман, Аззам Раинвар, Руста Бактари. Есть у нас очень способная писательница Сююмай Зарнаб. Самобытен, оригинален, своеобразен талант поэта Мусы Нуриджа. Изданных книг у них пока нет, но я верю, что сбудутся мечты афганских литераторов. Поскорее бы добрые времена наступили.

— Да, трудное у вас положение, понимаем. Время такое, не без опасностей...

— И не говорите. Наши поэты и писатели вместе с ручкой носят в кармане и оружие.

— Оружие, разумеется, в целях самообороны? Ну, а самое надежное орудие в борьбе с врагами революции, думаю, это перо?

— Верно. Новая форма государственности позволила мобилизовать творческие силы всех народов Афганистана, сплотить их для достижения единой великой цели — защищать завоевания апрельской революции. Перед афганскими поэтами и писателями стоит задача — создать художественную революционную летопись, во всем величию и красоте показать нового человека — нашего современника, настоящего патриота своей Родины. Это, конечно, не нравится недругам. Они хотят запутать нас, грозят всячески. Хорошо бы — в открытую дрались, а то ведь исподтишка действуют, а это, понимаете, тяжело.

На поэта Рашту, который живет в городе Бадахшане,

было совершено покушение за то, что он написал стихи о революции. Хорошо, жив остался, но ранили племянника, который с ним был. И Акрам Осман, наш молодой, по-дающий надежды прозаик, тоже находится на излечении в военном госпитале. Приехал, как обычно, на машине домой после работы, выпил, а тут стреляют в упор из двух револьверов, семь пуль всадили. За что, спросите? За одну-единственную статью. Вот так-то.

Лицо Асадуллы посерело. Я видел, как тяжело ему говорить. Взгляд стал жестким. Гнев, захвативший собеседника, по-видимому, вынудил замолчать на некоторое время. Потом он продолжил:

— Эти звери поджигают дома членов партии, воруют их детей. На какие только злодеяния не способны... Тех, кто, испугавшись апрельской революции, пошли на попятную, они сбивают с толку, вынуждая покидать насажденные места. Сейчас мы единый Отечественный фронт организовали. Я тоже являюсь членом президиума исполнительного комитета.

— Работы, стало быть, хватает?

— И не спрашивайте — выше головы. Но как бы ни ополчались на нас недруги революции, афганские литераторы всегда в строю. С чувством высокой ответственности несем свою службу. Регулярно на местах — в учреждениях, на производственных объектах проводим литературные вечера. Часто выступаем по радио. Бываем среди солдат народной армии. Что скрывать, среди населения еще много таких, которые не понимают значения развернувшихся событий. Наш долг — разъяснять людям смысл новой жизни. Все писатели доброй воли обязаны мобилизовать народ на активную борьбу с врагами революции. В любой стране, обретающей независимость и свободу, первыми к голосу революции присоединяются именно деятели литературы.

— У нас несколько другие условия. Перед нами пример социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Мы очень благодарны вашей стране. Недавно между двумя нашими Союзами писателей было принято соглашение. Ежегодно афганские студенты могут поступать в Литературный институт имени Горького в Москве, писатели могут приезжать в Советский Союз отдохнуть. И еще мы условились выпустить в Советском Союзе на фарси и пушту языках книги одного-двух наших авторов. Думаю, для начала это неплохой шаг.

Свою литературную деятельность я начал с поэзии, — продолжил он. — Потом переключился на прозу. Написал около сотни рассказов. Повесть «Айдан» в 1972 году вышла на русском языке в Москве, другая повесть «Отравленный город» была опубликована в Ленинграде. Увлекаюсь немного и драматургией. После апрельской революции родились две пьесы — «Ночь и битва» и «Гнев народов», которые поставлены в театре. Приходится заниматься и литературной критикой.

После окончания филологического факультета в Кабульском университете я поступила в Москву в аспирантуру.

— То-то, думаю, откуда вы так хорошо знаете русский язык.

Хабиб, смущившись, улыбнулся и сказал:

— Не так уж хорошо. Так, помаленьку... Закончил аспирантуру, защитил диссертацию по произведениям классика афганской литературы Мырзы Абдувалира Бедела. Я пишу литературо-критические статьи. Обстановка такова. Приходится порой объяснять смысл вещей, казалось бы, вполне понятных. Я, интеллигент, преувеличил бы, если бы стал утверждать, что все наши литераторы живут духом революции, что они все верны ей. Нам еще много предстоит работать. Надо и против пассивности в литературе выступать, и об обязанностях поэтов напоминать. Народность литературы — тоже тема, о которой нельзя умолчать. Буду откровенен: время от времени в публицистике и литературной критике оказывалась живучесть некоторых националистических предрассудков, выражавшихся в идеализации патриархальной старины, отживших и мешающих настоящему развитию национальных традиций, в попытках консервировать некоторые верхушки прошлого. Как можно было молчать, если история, ее ярчайшие страницы под первом некоторых публицистов и критиков начали менять свой цвет!

— Острая полемика в печати по всем этим вопросам была вызвана и тем, что националистические пережитки всячески подогреваются извне политиками и пропагандистами буржуазного мира, и мы не можем дать им в руки оружие, которое будет направлено против афганского государства, против революционных преобразований.

Только развитие тех национальных традиций, которые соответствуют духу времени, и уптывают прогрессивный

опыт всей современной литературы, приносит успех литературе любой нации или народности, выводит ее вперед.

— А какова тематика ваших художественных произведений?

— Большой частью пишу о жизни афганского села. Так, в повести «Айдын» речь идет о дореволюционной беспросветной жизни крестьян. Это произведение переведено на узбекский, азербайджанский языки. Появилась она и на чешском языке.

— Судя по количеству переводов, тема злободневна, остра?

— Как было не высказаться откровенно и принципиально, когда в стихах некоторых афганских поэтов натриархальная старина предстала чуть ли не как счастливейшая пора жизни, сплошная идиллия, где вроде бы не было ни тяжелого из-под кнута труда, ни надругательства над человеческим достоинством, ни эксплуатации!

Асадулла задумался. После некоторого молчания он коротко изложил содержание повести. Айдын — красавица из красавиц. Ее примечает местный богатый. Неожиданно умирает отец Айдын. Перед кончиной он называет имя человека, за которого Айдын должна выйти замуж. Был джигит-пастух, которого она любила, вот его и называл отец. Но разве же богатый отступится от своих планов?! Дело кончается насильным похищением девушки. Парень, вернувшись из армии, не мирится с таким унижением, он убивает богата и бежит с Айдын в горы. Народ поддерживает молодых — невзирая на жестокие порядки тогдашнего правительства, люди помогают влюбленным обосноваться в горах, носят им одежду, еду... Мне вспомнились тут казахские влюбленные Енлик и Кебек, они тоже укрывались на безлюдье, в горах...

— Я задался целью — завершил свой рассказ Асадулла Хабиб, — через страдания двух молодых показать классовую борьбу. Сюжет пьесы «Ночь и бич» тоже построен на психологическом конфликте между бедняком и феодалом. Масштаб, уровень нравственной проблемы, ее принципиальная неразрешимость создают в пьесе предельное, грозовое напряжение. В общем-то тем много... Мне хочется, к примеру, написать роман о современном положении в моей стране, о новом типе героя, который отвечает насущной потребности времени: соединить в себе духовные заветы прошлого, гражданскую и нравственную цельность с реальной действительностью в сегод-

пящем мире. Я верю, что этот герой находится рядом. Он будет изображен не расчетливой схемой, а живым, в противоречиях и страстиах, милосердным и борющимся. А сколько таких просятся на фронт, служат в рядах добровольцев! Среди них и мои братья, которые тоже могут стать персонажами будущей книги. Сейчас как раз про современное положение пишу. Здесь, на отдыхе, между прочим, моя работа продвинулась как будто.

— Объемная будет вещь?

— Пока не хотел бы говорить. Но, думаю, роман получится. Трудно что-либо сказать заранее. Сейчас и название-то у книги нет.

— Вы только что говорили, что хотели бы написать роман. Но, как видно, ваша задумка находит уже реальное воплощение. Желаю, чтобы вы успешно закончили свое новое произведение.

— Спасибо. Говорить о том, что еще не готово, — это большая ответственность. Как знать...

С Хабибом мы встречались несколько раз. Теперь мне хотелось, чтобы Асадулла Хабиб подробнее рассказал о своих братьях. Он с присущим ему спокойствием коротко взглянул на меня и улыбнулся уголками губ.

— Семья у нас большая, — начал он. — Одних летей десять человек, есть старший брат, четверо младших братьев, четыре сестренки.

Отец его Хабибулла, всю жизнь проработавший в сельском хозяйстве, скончался от болезни в 1973 году. Старший брат работает в Польше.

Гидаятулла — журналист, заведует политическим отделом на телевидении. В 1980 году он освещал ход соревнований на Московской Олимпиаде. В настоящий момент сражается с душманами¹. Сотрудники его отдела по очереди освобождаются на два-три месяца от работы и отправляются на фронт.

Нахибулла в сражении под местечком Бахтия был ранен в правое плечо, вылечился. Сейчас служит в милиции Кабула.

Эминулла учился на четвертом курсе университета. Вместе с товарищами он ушел в ряды добровольцев бороться за революцию. Очистив провинцию Лагман от врагов, возвращается домой. Пока радио Би-би-си рас-

¹ Душман — враг — в повседневном обиходе все чаще заменяется словом «басман» — бандит.

пространяло слухи, что отряд добровольцев в шестьдесят человек якобы истреблен, они прямо с поля боя попали на прием к Бабраку Кармалю, который от всей души поздравил их с победой и выразил им свою благодарность. Сейчас Эминулла продолжает учебу, одновременно служит в отряде защитников Отечества.

Рухулла тоже не отстал от старших братьев. Оставив двенадцатый класс лицея, ушел на фронт.

Сестры Асадуллы так же нашли свое место в жизни. Они работают учителями в средней школе, помогают революции в отряде добровольцев.

У всех в семье один взгляд на жизнь, все они хотят поскорее обеспечить родной стране мир и покой.

Я поразился мужеству их матери Тажибар, сумевшей вырастить стольких детей, поставить их на ноги. Асадулла развлновался, когда речь зашла о самом дорогом для него человеке.

Мать сначала очень переживала за нас, беспоконилась, но своего страха не выказывала, таилась, но мы то видели! В дом к нам приходили всякие люди, она их боялась. Посмотрели бы вы на нее, когда кто-нибудь из детей где-то задерживался! Тихая ходит, молчт. Мы понимали — переживает. Теперь она не такая, знает, что несет с собой новая жизнь, сама говорит, что эту жизнь надо защищать с оружием в руках. И мы уже не скрываем, где кто задерживается, так что мать не беспокоится, как раньше. Если, скажем, постучат в дверь, она открывает ее. За пазухой у нее револьвер. Ночью сторожит сон своих детей. Так что она у нас — борец, тоже думает о будущем своей страны.

Огромное завоевание апрельской революции в том, что за годы, прошедшие с апреля 1978 года, у афганского народа сложилась твердая уверенность, что жить иначе, лучше, чем жилось простому афганцу до революции, можно и доступно. По мере того, как афганские труженики узнают о том, что делает революционная власть для них сейчас, какие цели ставит перед собой, они становятся все более активными ее помощниками.

В глазах огромного большинства населения Афганистана контрреволюционеры сегодня разоблачили себя как люди, враждебные афганскому народу, как грабители и насилиники, пытавшиеся прикрывать свои корыстные интересы лозунгом «священной войны», как агенты империалистических сил и местной реакции.

Трудящиеся Афганистана теперь понимают, что осуществить их мечты и принести их родине мир, покой, благодеяние эти люди не хотят и не могут. О новой власти все чаще можно услышать: «Это хорошая власть, мы в любое время готовы защитить ее от душманов».

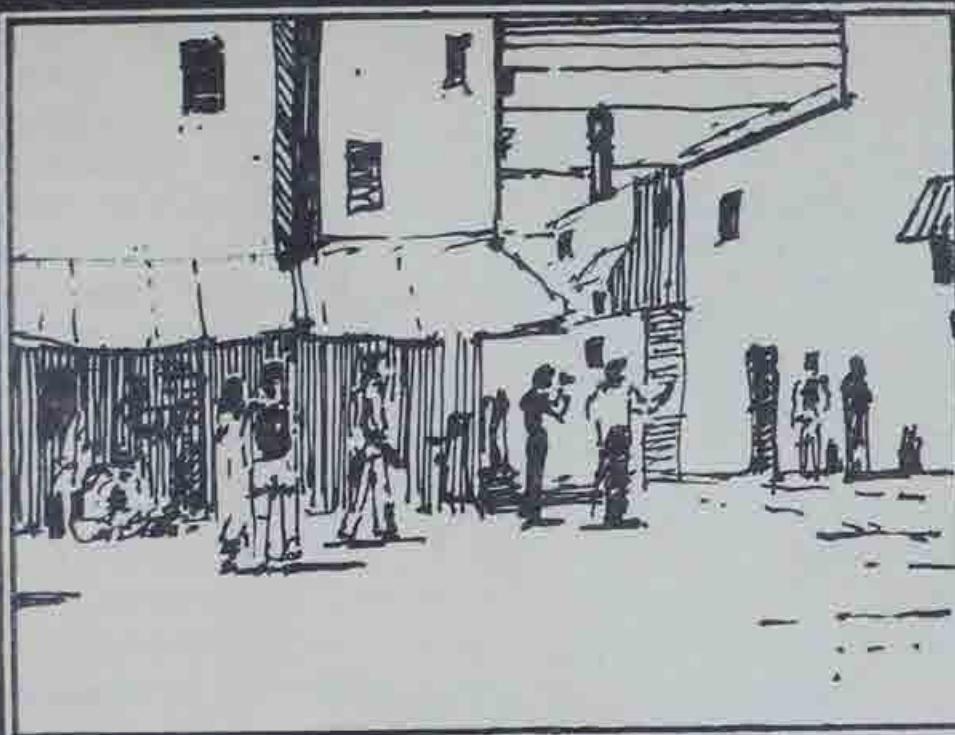
Трудящиеся страны приобрели и продолжают накапливать революционный опыт, опыт защиты революции, которого у них никогда не было, начинают различать друзей и врагов, усваивают доселе неведомое в Афганистане чувство человеческого достоинства, постигают значение истинной социальной справедливости, которую им привнесла апрельская революция.

— Хорошую весть из дома получил, — сообщил мне Асадулла как-то перед отъездом. — При Центральном Комитете партии открылось новое издательство, — широко удивился он. — Надо бы только суметь написать что-нибудь подходящее. Но девяносто пять процентов нашего населения безграмотны. По этой причине нашим писателям большей частью приходится выступать по радио.

Народно-демократическая партия Афганистана вплотную занялась вопросами книгоиздательства. Это, действительно, весть, которой стоит радоваться.

В гигантской программе культурной революции, разработанной Народно-демократической партией Афганистана после апрельской революции 1978 года, книжному делу в широком значении этого понятия отводится важнейшее место. Ведь каждая хорошая книга, подаренная писателем человечеству, равносильна подвигу, ибо она является духовной пищей народа. Духовные ценности, накопленные афганским народом на протяжении веков, с помощью книги станут достоянием широких слоев трудящихся. А содержание книг отразит исторический опыт революционного преобразования общества, борьбы за социализм, передовые идеи, достижения мировой науки и техники, культуры и быта.

Провозглашенная НДПА программа революционных преобразований полностью отвечает чаяниям крестьян и ремесленников, рабочих и служащих, мелких предпринимателей и торговцев, прогрессивной интеллигенции и демократических слоев мусульманского духовенства. Свидетельством тому — триумфальное шествие революции по стране.

ПО ТУРЦИИ

ГЛАДЬ БОСФОРА

Что может быть совершеннее искусства?

Наша группа, отправляющаяся в Турцию от имени Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, состоит из четырнадцати человек. Собрались представители самых различных специальностей. Группу возглавляет Евгений Иванович Удинцев, заместитель министра здравоохранения РСФСР, доктор медицинских наук. Высокий, с широким открытым лицом, Евгений Иванович производит впечатление человека добродушного, мягкого. И голос — спокойный, размеренный, приятно слушать. Его умение вести беседу с удовлетворением отметили все. Согласитесь, в пути, вдали от Родины, такой человек просто необходим. Говорят, первое впечатление часто не обманывает. Я убедился в этом во все время нашего путешествия...

Всего через три часа мы приземлились в аэропорту Анкары. Наш маршрут — Стамбул. Анкара, как говорится, попутная остановка. Кругом, куда ни кинь взгляд, — однообразная желтая степь, дует пронизывающий ве-

тер. Сам город, чувствуется, далеко. Пункт приземления ничем не напоминает столичный аэропорт большой страны.

В зале вниманию всех привлекли турецкие киноактеры. В одном самолете с нами они возвращались с Ташкентского кинофестиваля. Несколько дней провели и в Алма-Ате. Среди артистов — знаменитая кинозвезда Фатьма Гирлик. Высокая, стройная. Каждое движение ее и жест выразительны. Смоляные волосы и черные брови придают ее смуглому лицу необыкновенное очарование. Актриса привыкла к вниманию — неторопливо извлекла из черной сумочки несколько своих фотографий и, надписав, раздарила окружившим ее поклонникам.

Вспомнились теплые слова Фатьмы Гирлик об Алма-Ате, опубликованные в республиканских газетах во время ее пребывания в столице. «До чего красивый город,— сказала она.— Создан будто для отдыха, только и принимать гостей!»

Мы снова в самолете, наша цель — Стамбул. И вот бесчисленное количество огней. Стамбул как бы рассыпан на трех полуостровах. Самолет резко накренился — и край города точно ножом срезало, темная пучина разверзлась под нами. Море так близко. Вскоре мы приземлились. Оказалось, что аэродром находится на самом побережье.

Город расположен в холмистой местности на обоих берегах пролива Босфор. Большая часть Стамбула находится в Европе, меньшая — в Азии. Бухта Золотой Рог делит европейскую зону города на два района: старый Эминёну, сохранивший в значительной мере средневековый облик (тесные улочки с многочисленными мечетями), и новый, Бей-оглу, с виллами на побережье Мраморного моря — деловой и культурный центр.

Архитектурный облик современного города создают постройки трех эпох. С византийских времен сохранились остатки крепостных стен, комплексы императорских дворцов, подземные и культовые сооружения. При одном упоминании о Стамбуле перед моими глазами вспыхивают островерхие минареты, круглые разноцветные купола мечетей. Самые крупные и знаменитые из них — Баязид и Аксарай — располагаются как раз в той части города, где остановилась наша группа.

Двадцать пять сultanов некогда владычествовали на турецкой земле. Первым из них был Ахмет. Мечеть, ко-

торую он начал воздвигать в 1606 году, была завершена в 1616 году. Это — одно из красивейших культовых сооружений в мире. Шесть небесно-голубого цвета вышек украшают его. Слышимость — прекрасная! Древние мастера предусмотрели акустические свойства помещения — любой звук отдается четким эхом.

Во дворце султанов нам показали золотой трон, который весит 350 килограммов. Видимо, подобные атрибуты власти приносили турецким правителям славу, почести, богатство. В оружейной дворца — тяжелые клинки, мечи. Нас особенно поразил один из них, принадлежавший Сулейману, правившему в XVI веке. Размеры и вес оружия красноречиво свидетельствуют об облике его хозяина, ибо далеко не каждому под силу хотя бы оторвать такой клинок от земли.

В библиотеке в основном книги с текстом корана. Отличаются они одна от другой лишь размерами. Есть книга с сундук, ее невозможно обхватить руками, и есть книжки-малютки, которые и не разглядишь сразу.

Одно из помещений отведено под изделия прикладного искусства. Здесь образцы национальной одежды, всякого рода бытовые предметы, женская обувь. Что любопытно — турчанки с далеких времен, оказывается, носили обувь на высоком каблуке. В этом же зале — коллекция различных знамен. Наше внимание привлекло одно — с длинным древком и тяжелыми кистями. Оно и в самом деле отличается от других. «Это — знамя победы», — пояснили нам. Его вручали полководцу, который возвращался с победой. Человек, имевший на счету девять таких знамен, назывался генералом.

Известно, что все древние города в свое время окружались крепостными стенами. Хотя они и защищали город, враг, который был бессилен сразу захватить осаждаемую крепость, лишал горожан всякой связи с внешним миром, обрекая население на голод и пехватку воды. Турецкие правители предусмотрели этот вариант, выстроив помещение под землей длиной 140 и шириной 70 метров, установленное на 300 столбах-опорах. Вначале это сооружение использовалось как водохранилище, позднее — как тюрьма. В настоящее время — это музей.

Про знаменитый базар в Стамбуле мы слышали много. Нас даже предостерегали: будьте осторожны, торговцы обязательно обведут вокруг пальца.

Длинная улица, вереницей тянутся лавки со всевозможными товарами. Стоит взять какую-либо вещь в руки — считай, пропал! Не отстанет от тебя торговец.

Что приобретает обыкновенно турист? Изделия прикладного искусства, которых на базаре Стамбула хоть отбавляй! Зная о приверженности чужеземцев к ним, торговцы выставляют их отдельно. Освещенные электрическим светом, они сверкают всеми цветами радуги, завораживая глаз. Свет настолько искусно «играет» на товарах, что не мудрено и латунь принять за золото.

По мосту, носящему имя Мустафы Кемаля Ататюрка, мы перешли на второй полуостров, в административную часть города. Она намного чище и опрятнее старой. Нет пыли на тротуарах и улицах, не увидишь покосившихся лачуг. Сплошь тянутся четырех-пятиэтажные здания.

В новое время в архитектуру Стамбула стали проникать западно-европейские стили. В девятнадцатом веке этот процесс привел к созданию эклектических построек, а в двадцатом — к сооружению зданий в духе функционализма. Прокладываются магистрали, начинает развиваться жилищное строительство. Возводятся крупные административные и общественные здания.

Большую часть пути мы прошли пешком. День был воскресный. В городе царила удивительная тишина, людей на улицах сравнительно мало, разве что какой-нибудь арбакеш прогромыхает на своей тележке.

Когда мы проходили мимо кинотеатра, мое внимание привлекло знакомое лицо на одной из многочисленных реклам. Подойдя поближе, я убедился, что это — Фатъма Гирик. Здесь она запечатлена в образе женщины из народа — простоволоса, в убогом одеянии. В глубоких глазах — скорбь, страдание.

Сценарий фильма написан по произведению Сабахаттина Али. В турецкой литературе нет, пожалуй, другого такого писателя, который бы так убедительно и впечатляюще описывал беспросветную жизнь бедноты.

Мы побывали в одном из почитаемых в Стамбуле мест — дворце Долмабахча. К сожалению, осмотреть полностью не смогли, поскольку внутри шли реставрационные работы. Построил его в 1853 году султан Абдул Мажит. С тех пор этот дворец — обитель правителей. Проживал здесь и Мустафа Кемаль Ататюрк — руководитель национально-освободительной революции

1918—1923 годов, первый президент Турецкой Республики. В его честь у ворот Долмабахчи постоянно несут вахту стражники в белых касках.

Направляемся теперь на третий полуостров — азиатский. Два предыдущих относятся к европейской части Стамбула.

Мост, по которому идем, длиной около полутора километров. Он как бы соединяет два материка. Воздигли его над Босфором в 1973 году.

— Вот и азиатская часть. Называется она Ускюдар,— пояснил гид Мустафа Шантюрк.

— Ускюдар? — переспросил я. Это слово давно было мне знакомо. Здесь проживал Назым Хикмет! Здесь прошли детство и юность поэта. Сюда он вернулся после многолетнего пребывания в тесных тюремных засланках.

Ускюдар! Так вот ты каков...

Как обрадовался я, когда узнал, что предстоит увидеть родину знаменитого Назыма Хикмета, одного из крупнейших поэтов XX века, чье имя почитаемо во всем мире. У казахов есть присловье: «Славу земли приумножает ее сын». При упоминании о Турции в первую очередь вспоминается Назым Хикмет. Прогрессивные люди не зря прозвали его «турецким Маяковским». Есть ли на земном шаре уголок, где бы не читали плененных стихов поэта! Я был уверен, что и на родине Назыма Хикмета имя неустанного борца за свободу чтится свято, ведь неиссякаемый родник творчества поэта — неизмеримая любовь к родной земле. Я не сомневался, что его дом в Ускюдаре обращен в музей.

В свое время я перевел на казахский язык пьесу Назыма Хикмета «Чудак», которая ставилась на спене Республиканского театра юного зрителя. Вонла она также в мой сборник, который захватил с собой в качестве дара дому-музею Назыма Хикмета. Но каково было мое изумление, когда узнал, что такого не существует. Более того — нет ничего, что хоть как-то напоминало бы о великом поэте. Разумеется, мы понтересовались причиной этого у Мустафы. Тот, услышав имя Хикмета, засмущался.

После некоторого молчания наш проводник сказал:

— Ответить на этот вопрос трудно. В нашей стране Назым Хикмет считается врагом народа. Более я ничего не могу добавить... — и опустил голову.

Что ж, Мустафу понять можно. Справедливо ли вычеркнуть из памяти людской имя человека, который всю жизнь посвятил служению народу, его чаяниям и желал для своей родины одного — свободы и счастья?

Сколько стихов, еще будучи в тюрьме, посвятил родному городу Назым Хикмет! «О Стамбул! Мой Стамбул!» — вспоминаются его строки. А Стамбул молчит. Нет, не хочется верить этому! Настает день, когда имя великого трибуна, борца и поэта с гордостью назовут в Турции во весь голос!

БЕСЕДА В АЭРОПОРТУ

Во второй раз мы прибываем в Анкару. Столицей Турции она стала в 1923 году. Начиная с этого времени, в городе возводятся высотные сооружения, правительственные учреждения, театры, ипподром, стадион, Дом радио, высшие учебные заведения, аэропорт, Дворец спорта. Если поначалу численность населения не превышала 75 тысяч, то сейчас здесь проживает два миллиона человек. Инициатором того, что столица была перенесена сюда, явился Мустафа Кемаль Ататюрк.

По дороге встречаются аулы. За отсутствием зелени они кажутся одинокими и заброшенными. Ближе к городу на низких холмах уже не увидишь свободного места — как птичьи гнезда, лепятся здесь крохотные лачуги. На отвесные каменистые карнизы даже взобраться нелегко, диву даешься, каким образом люди могли там построить жилища. Нам объяснили, что эти земли находятся в государственном ведении, но крестьяне на свой страх и риск осваивают их, чтобы иметь крышу над головой.

В Анкаре мечетей значительно меньше, чем в Стамбуле. Да и созерцание многочисленных храмов, внешне как будто разных, но по внутреннему содержанию очень похожих, утомило нас. Тем не менее в одной из мечетей довелось побывать и здесь. В ней некогда, за две тысячи лет до нашей эры, проживал римский император Август. Позднее это здание служило церковью для византийцев. С появлением сказаний о Мухаммеде-пророке и мусульманской религии турецкие султаны превратили храм в мечеть, получившую название Хази Байрам.

В возвышающейся части широкой центральной улицы стоит величественный памятник бывшему президенту

Мустафе Кемалю Ататюрку. Взгляд сидящего на коне полководца устремлен вперед. Солдат перед ним, заслоняясь от солнца рукой, также взглядывается вдаль.

Перед этнографическим музеем опять видим каменное изваяние Ататюрка на коне. Он любит пародом.

Мустафа Кемаль Ататюрк первым выступил за развитие дружественных добрососедских отношений с Советским Союзом. Велики его заслуги в национально-освободительной революции 1918—1923 годов и завоевании страной независимости. Под руководством видного военачальника в Турции был проведен ряд прогрессивных буржуазно-демократических реформ. Ликвидированы, например, традиции и законы халифата, много веков господствовавшие в стране. После бегства последнего из сultанов, лишившегося и власти и престола, Ататюрк пишет письмо В. И. Ленину. Это явилось первым шагом к сближению со Страной Советов.

Между государствами было достигнуто соглашение по многим существенным вопросам, касающимся их внешней политики. Правда, после смерти Ататюрка Турция стала отходить от проводившегося им внешнеполитического курса. Положение внутри страны за последние годы характеризуется сложностью и неустойчивостью. До сих пор, как известно, Коммунистическая партия Турции находится на нелегальном положении.

Мавзолей Ататюрка стоит на холме в центре Анкары. Квадратное сооружение из гранита, покоящееся на четырех высоких столбах-опорах, производит впечатление своеобразной крепости. Перед ним — обширная площадь, на которой проходят народные празднества и собрания. Самый большой национальный праздник отмечается 29 октября. В этот день в 1923 году Турция была провозглашена независимой.

В одной части мавзолея Ататюрка расположены музей. Здесь одежда, книги, рукописи президента. Хранятся его книжки, клиники, револьверы, дары от зарубежных представительств. Серия дарственных портретов. На одном из них надпись: «Клим Ворошилов. 29 октября 1933 года». А на другом — знакомый нам с детства Буденный с лиху закрученными усами! Эти фотографии — красноречивое свидетельство симпатии советских людей к первому президенту Турции.

Завершается музейная часть мавзолея красивой аллеей с каменными изваяниями львов по обеим сторонам,

отсюда ее название «Львиная аллея». Привлекают внимание скульптурные памятники у выхода. Одна из них изображает плачущих женщин — так передана скорбь народа по Ататюрку. Вторая скульптурная группа олицетворяет борьбу народа за свободу.

После обеда в нашем номере неожиданно зазвонил телефон. Знакомый голос Мустафы сообщил, что с нашей группой желает встретиться человек из редакции местной газеты.

— Я из газеты «Ени улус». Дерия Сазак, — представился тот. — Хотелось бы, если это возможно, взять интервью.

— Пожалуйста. Я готов ответить на ваши вопросы.

Так легко я согласился дать интервью потому, что с деятельностью «Ени улус» был отчасти знаком — некоторые сообщения из этой газеты встречались в «Правде». Прогрессивный печатный орган, во всяком случае с нашей страной турки знакомятся в основном через него. «Ени улус» в переводе означает «Новая нация».

Первый вопрос, который задал мне Дерия Сазак, — что я знаю о турецкой прозе.

Думается, какое место в турецкой поэзии занимает Назым Хикмет, такое же в прозе принадлежит Сабахаттину Али. Это писатель, вдохнувший новую жизнь в турецкую прозу. Избранные сочинения Сабахаттина Али, составленные по пяти его книгам, вышли в Москве в 1971 году. Его книги — зеркало жизни народа, голос бедного люда. Известны в нашей стране и сатирические рассказы Азиза Несина.

Мы с интересом говорили о романах Орхона Кемаля, Кемаля Тахира, Яшара Кемаля, о стихах Нефзата Устюна.

Дерия Сазак поинтересовался и тем, на какие темы предпочитаю писать. Я рассказал, что пишу поэму, главным героем которой является чабан. Объяснил ему, что профессия моего героя в нашей стране почетна, что этот труд ценится государством, что овцеводы получают правительственные награды. Когда же добавил, что животноводы могут быть и государственными деятелями, что они избираются членами правительства, Дерия Сазак, не зная, по-видимому, верить в это или нет, с сомнением покачал головой.

— Это интервью в ближайшие два-три дня будет опуб-

ликовано в нашей газете,— сказал корреспондент, по-жимая руку на прощание.

На следующий день нам показали часть крепостной стены с башнями, которой в свое время была обнесена и Анкара. Значительный отрезок пути одолели пешком. Петляя по узким кривым улочкам. Где же башня? Впереди ничего похожего не видно. Наконец Мустафа остановился перед развалинами какой-то стены. Удивлению нашему не было предела — сразу за чертой города покато начинался овраг. Вдали туманилась степь. Такое ощущение, будто стоим на вершине горы. Оказывается, сами того не заметив, мы забрались на головокружительную высоту. Башня, возведенная за два тысячелетия до нашей эры, оказалась почти разобранной. Здесь теперь живут бедняки. Они и растащили кирпичи и камни на постройку жилищ — убого теснящихся, мимо которых мы поднимались сюда. Жизнь в этих многодетных дворах, как мы убедились тяжелая.

Проходя мимо одной женщины с двумя маленькими детьми, я остановился, и мы разговорились. Муж, скажала она, кузнец. В день, когда находится работа, хозяин приносит домой что-нибудь поесть, но частоозвращается с пустыми руками. Раскрыв калитку, она показала крохотный двор. Сама не работает. Я спросил: «Почему?» Женщина рассмеялась в ответ: «Мужу бы нашлась работа, а мне... Куда мне?».

Теперь мы направляемся в аэропорт.

Рядом с нами в зале ожидания сидят две девушки. К ним то и дело подбегает, ласкаясь, малыш лет пяти-шести. Вскоре мальчик привел с собой мужчину, который подсел к нам. Мы познакомились. Зовут его Ахмед Акча, токарь. Жена — электрик. Приехал чуть раньше ее, и вот теперь встречает. Мы понтересовались, не сын ли ему мальчик, так похожий на него.

— Вы угадали, — заулыбался он, — это мой сын. Приехали вот встречать маму. Сам я живу в Стамбуле.

— Где вы работаете?

— Не здесь. В Западной Германии. Десять лет уже. Но сюда приезжаем часто. Здесь все родственники. Эти две девушки — мои свояченицы. Познакомьтесь — Айша и Кадиша.

— Почему же вы не на родине работаете?

— Что делать... Мы были на родной земле безработными, а жить надо. Турков в Западной Германии много,

несколько сот тысяч... Все скитаются в поисках заработка.

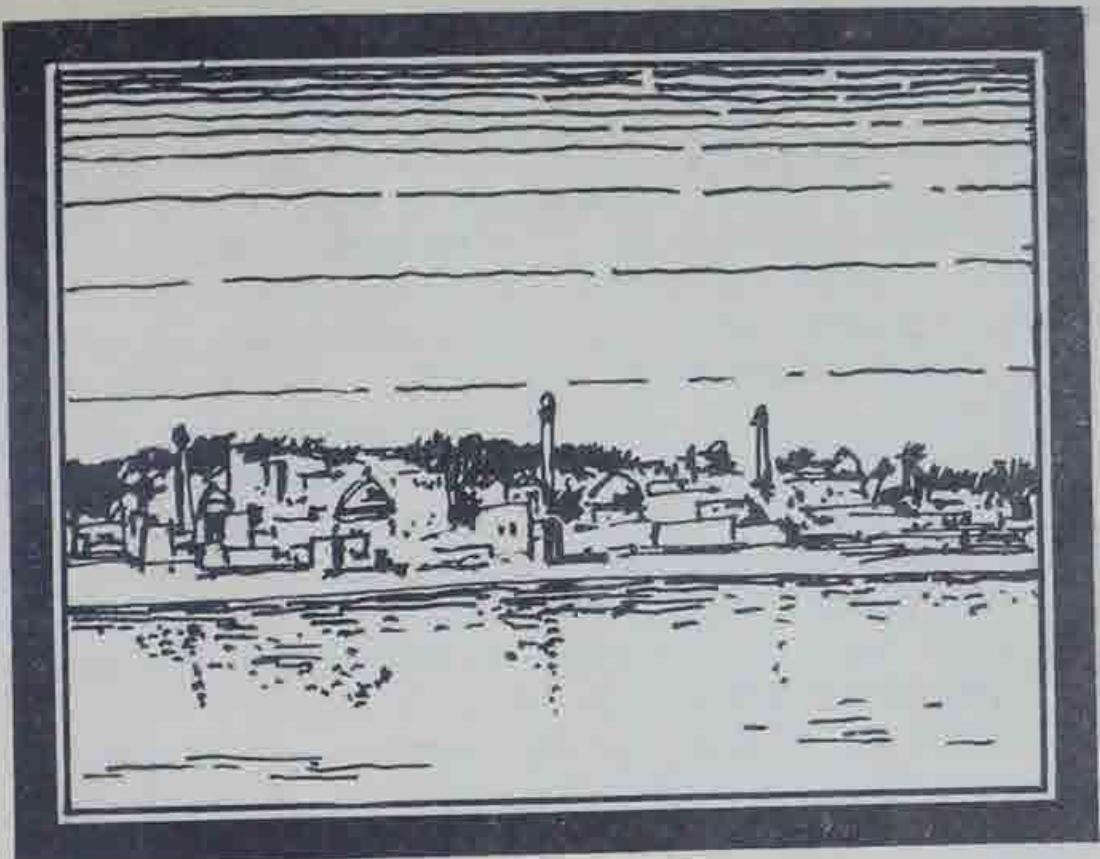
— Немецкий знаете?

— Конечно, иначе и там ничего не добились бы...

Не самое ли тяжкое наказание для человека проводить свои лучшие годы на чужбине?

Мы поговорили бы с Ахмедом еще, но тут послышался голос диктора. Началась посадка на рейс, и пришлось попрощаться со своим неожиданным собеседником.

Мы вылетели в Багдад.

ТАМ, ГДЕ ТЕЧЕТ ТИГР СВИДАНИЕ СО СКАЗКОЙ

Багдад! Это слово вошло в мое сознание еще с детства. Есть у казахов песня «Корлан», которая была написана в конце прошлого столетия народным композитором и акыном Естаем, и в ней такие строчки: «И в Багдаде и в Мысыре не найти Корлан любимой...» Позже, научившись читать, я ознакомился со сказками «Тысяча и одна ночь» на своем родном языке и с тех пор мечтал побывать в этой чудной звездной стране.

А теперь я увидел ее воочию.

Багдад — столица республики Ирак, благодатного края гор и равнин, рек и холмов, где еще в древности возникли города, ставшие центрами культуры, науки, искусства.

Две знаменитые реки пересекают территорию республики — Евфрат и Тигр. Начинаются они в Турции, и, продолжаясь уже на земле Ирака, двумя широкими лентами расходятся друг от друга; у Багдада они сближаются, но потом снова разветвляются в стороны и у

города Басры, на юге страны, рядом с озером Эль-Хаммар, соединяются вновь.

Ирак расположен в самом центре Ближнего Востока. На севере он граничит с Турцией, на востоке — с Ираном, на западе — с Сирией и Иорданией, на юге — с Саудовской Аравией и Кувейтом. До гостиницы «Штора» мы добирались довольно долго. Первое впечатление от города — удивляет отсутствие единой системы планировки. Поражает множество узких улиц, идущих в разных направлениях. Старые сооружения, крепостные ворота, башни дополняются более поздними строениями.

Два с половиной миллиона жителей проживает в Багдаде. Основан он в 726 году. Некоторое время был столицей Арабского халифата, в средние века считался крупнейшим очагом культуры и являлся центром торговли стран Азии и Европы.

Назавтра мы осмотрели большой музей Ирака. Все лучшее, что связано с его историей, сосредоточено здесь.

Построен музей в 1955 году по проекту немецкого архитектора Герхардта Барха и состоит из двадцати одного зала. В первом из них первобытная эпоха существования человечества представлена древнейшими орудиями труда и защиты. Оформление последующих залов меняется соответственно этапам развития истории страны. Немало здесь экспонатов, дающих представление о жизни господствующего класса и двора. Первым царством на территории Ирака был Шумер. Сохранились головной убор и арфа правителей, вырезанные на камне древние письмена, которым уже более четырех тысяч лет, длинная лодка, различные драгоценные вещи.

Зал, повествующий о Вавилонском царстве... Здесь мы увидели скульптуру, изображающую наполовину человека, наполовину зверя: знаменитый Шеду, мифический герой, наделенный необыкновенной силой. По преданиям, он не раз спасал город от губительного вражеского нашествия.

В этнографическом музее мы имели возможность ознакомиться с бытом, обычаями и традициями Ирака. Помните, прошли в одну комнату, а там — чайхана. За столиками по два-три человека беседуют о чем-то. На каждом столике — по большому пузатому самовару и белому фарфоровому чайнику. В углу расположились музыканты. Я поначалу даже удивился: музей и чай-

хана! Но, приглядевшись, убедился, что это не люди, а искусно сделанные манекены. Но какая тонкая работа! Тишина над чайханой нависла такая, что создается ощущение, будто завсегдатай чайханы замерли на какое-то мгновение, услышав сногсшибательную весть. Но это, повторяю, лишь первоначальное впечатление. Что и говорить — картина живописная.

Интересна национальная одежда иракцев. У мужчин на голове белые тонкие накидки, женщины в длинных черных абаях. Черный наряд здесь одинаково предпочтуют и старые и молодые. Нам объяснили, что это пристрастие — пережиток далекого прошлого. Абаю в основном носят женщины, придерживающиеся религиозных устоев.

Любопытная деталь — жилища иракцев напоминают казахские юрты. Только не из кошмы они сделаны, а из камыша и называются чада. Живут в них преимущественно бедняки. Образец современной чады выставлен в музее. У очага сидит женщина, прядет шерсть, рядом с ней — колыбель. Муж лежит на циновке — отдыхает. У стены собрана постель. В углу — станок, на котором ткут дорожки, ковры. В Ираке любят яркий орнамент, расписные узоры. Больших и малых размеров торбы, платки, полотенца и даже наволочки подушек и пододеяльники — все это украшено вышивкой и аппликацией.

Достойное место в музее отведено национальной одежде курдов и турок, проживающих на территории этого государства.

Мы все заулыбались, неожиданно увидев картину из доброй сказки, которая полюбилась еще в детстве. Человек в царской одежде возлежит на роскошной тахте, а рядом сидит красивая девушка и рассказывает ему что-то. Если прислушаться, можно уловить мелодичный голосок, доносящийся, как нам показалось, из-под высоких сводов. Еще через какое-то время раздается звук — будто петух прокричал. Девушка умолкает. Но проходят секунды — и рассказ продолжается вновь. Ну, конечно же, — сцена из «Тысячи и одной ночи»! Возлежащий на роскошной тахте мужчина — правитель Шеризат, а красавица, услаждающая его слух сказками, — несравненная Шехерезада. Нам словно напомнили еще раз, что мы — на древней земле арабов, чьи чудесные сказки вот уже многие сотни лет прочно занимают место в мировой литературе.

После музеев мы осмотрели старую крепость, построенную в V веке. Огромный тридцатисемиметровой высоты свод башни выложен строителями из одного только кирпича, без применения железа и гвоздей. И выстоял столько времени!

Крепость была возведена при царе Сабуре I. Следующий за ним правитель Харсо внес изменения в первоначальный проект и укрепление перестроили согласно нововведениям. По-гречески оно стало называться Ктесифон.

По дороге в крепость обратил внимание на поселение иракцев и, возвращаясь обратно, снова пригляделся к ним. Вокруг них нет даже крохотного свободного участка земли, все распахано. Каждый дом по-своему — крепость. Его окружает квадратный, сложенный из кирпича дувал, высотой больше человеческого роста. Ни одного окна, что выходило бы наружу. Двери да калитки.

Каждое поселение включает в себя примерно по десять-двадцать домов. Внешне они напоминают старые казахские аулы с саманными постройками. Детство мое проходило среди таких вот плохоньких, приземистых домиков. Недавно мне довелось посетить свой родной аул, и я не увидел прежних мазанок. Вместо них — белоснежные, как чайки, красивые дома с резными наличниками. Радостно и легко стало от свидания с обновленным родным краем!

Вот и сейчас, обозревая унылую панораму бедняцких хижин, подумалось: «А пройдет какое-то время, и здесь переменится жизнь».

Еще одну крепость показали нам, но уже внутри города. Построил ее в 1762 году правитель Халит Армансур.

Как мы знаем, история Ирака древняя. Территорию этого государства некогда занимали Ассирия и Вавилон. Начиная с IV века до нашей эры, эта территория перешла в состав Персидского и Греко-македонского государства. В VII веке ее завоевали арабы, а затем Ирак превращается в центр арабского средневекового государства — халифат и переходит в руки турок-сельджуков. С начала XVII века он становится частью турецкой Османской империи. В первую мировую войну сюда вступают британские войска, и в 1920 году Англия приобретает право на безраздельное владение Ираком. И только благодаря Июльской революции

1958 года страна обрела свободу и независимость. Колонизаторы были изгнаны с родной земли, и Ирак стал самостоятельной республикой, которая взяла курс на новую жизнь. По закону, принятому в 1964 году, все природные богатства, включая нефть, уголь, медь, природный газ, постепенно переходят в собственность государства.

Всего в Ираке в настоящее время насчитывается 12 миллионов населения. Территориально он подразделяется на 16 мухафазов (областей). Коренной народ страны — арабы. Проживают здесь и ассирийцы, или, как их называют еще, айсоры, а также армяне, турки, курды, персы, индузы, евреи.

Три партии существует в Иракской Республике. Это — БААС (Партия арабского социалистического возрождения), Демократическая партия Курдистана и Коммунистическая партия.

С каждым днем все более укрепляется и развивается дружба между разными народами и странами. Обмениваться взаимными достижениями, постоянно знакомиться с жизнью других — дело справедливое и доброе. В этом отношении миссия Общества дружбы почетна. Труд людей, занятых на этом поприще, которые ради мира на земле и культурного взаимообмена не жалеют ни сил, ни времени, достоин всяческого поощрения.

За время пребывания в Ираке нас несколько раз навестил вице-президент Общества иракско-советской дружбы Саами Саффар. Беседует с нами неторопливо, спокойно. Он показал нашей группе самую большую больницу Багдада. Встретил нас вице-президент лечебницы доктор Адель аль-Бекри. Он познакомил нас с историей небольшого медицинского городка, превратившегося ныне в лечебный комплекс. Сейчас он обслуживает 1400 человек, но в последующие годы прием больных увеличится до 3000 человек. Имеется хирургическое отделение на 40 человек. Больница находится под непосредственной опекой государства. Доступ в нее открыт всем — и рабочим, и дехканам. Лечение бесплатное. Это — доброе начало.

К вечеру мы приняли участие в открытии выставки, посвященной Советскому Союзу. Нужное мероприятие, служащее взаимному ознакомлению друг с другом народов разных стран, способствующее их сближению.

ВСТРЕЧА С ИРАКСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ

— Сегодня вы встретитесь с писателями! — сообщил мне с улыбкой Саами Саффар.

В назначенный час пришел Иzzадин Мустафа Расул. Добродушие и сердечность его располагали к откровению. Мустафа Расул, как выяснилось, и прозаик, и поэт, и литературный исследователь, и критик, автор двенадцати книг. По национальности курд. В 1963 году в Баку защитил кандидатскую диссертацию «О реализме в курдской литературе». Теперь работает над докторской диссертацией. Тема научной работы связана с исследованиями по фольклору.

Машина въехала во двор двухэтажного белого особняка. Это — Союз писателей Ирака. Местоположение его очень удобное — находится в уединенной части города.

Было уже около семи часов вечера. Сумерки стущались. Передо мной открылся зеленый широкий двор, под открытым небом там и тут стоят низенькие столики, народу собралось много. В Багдаде, да, паверное, и в других городах Ирака, зелень удивительно гармонирует с постройками, я бы сказал, здесь царит особый культ растений. Обстановка — самая непринужденная. В центре двора — телевизор.

Иzzадин провел меня в ту часть двора, где менее шумно. После знакомства и взаимного обмена приветствиями несколько столиков соединили в один, накрыв их большим дастарханом.

Сухощавый молодой человек с приятной улыбкой познакомил меня с присутствующими. У иракского Союза писателей нет президиума или секретариата, функции его выполняет исполнительный комитет, который состоит из девяти секретарей. Фадель Самир, так зовут молодого человека, — один из них. Побывал в Советском Союзе, гостил в Алма-Ате.

После легкой трапезы Фадель Самир начал беседу.

— Вам, конечно, хочется познакомиться с положением дел в нашем Союзе, — сказал он. — Неделю назад у нас прошли выборы. Как организация Союз писателей Ирака существует с 1961 года, объединяет около двухсот пятидесяти писателей. Выпускаем литературный

журнал, который выходит один раз в два месяца. По пятницам устраиваем встречи с общественностью города, они стали традиционными.

В год у нас издается примерно около пятидесяти книг. Разумеется, это очень мало и объясняется тем, что государственное издательство не располагает еще достаточными возможностями, и авторы вынуждены добиваться выхода книги в свет через частную типографию. Комитет помогает ему оплатить половину расходов. По этой причине все писатели, будь то зрелые или начинающие, дополнительно где-нибудь работают. Прожить только на гонорар в настоящее время невозможно.

Каково нынешнее состояние развития литературы в Ираке? Наиболее распространенный жанр — поэзия. Нашу страну с полным правом можно назвать краем поэзии. Не будет преувеличением, если скажу, что сегодня наши поэты достигли высокого уровня в мастерстве стихосложения. Сейчас все большее развитие получает новая форма — белая рифма. В этом отношении поэты Абдул-ахан Абдаяти, Сааф, Саади Юсуп являются новаторами. Основная тема их творчества — борьба против империализма.

Все произведения пишутся в основном с реалистических позиций, потому, возможно, они так популярны в народе. Если откровенно, то политическая обстановка в стране до 1958 года заметно влияла на иракскую литературу. Теперь же укрепилось ее реалистическое течение. Имена лучших наших писателей-борцов — это Абдель Малик Нури, Фуат ат-Текерли, Абдер Рazzак аш-Шейх Али. Последний погиб от рук реакционеров.

Я поинтересовался драматургией. На этот вопрос ответил критик Расин.

— Национальный театр у нас, по существу, один, — сказал он. — Есть, правда, частные. Работает молодежный театр, организованный в 1952 году. Из известных драматургов могу назвать Юсуфа эль-Ламиди, Адель Казума.

Современные пьесы поднимают насущные вопросы, касающиеся глубинных пластов жизни. Осваивается и используется богатый опыт театра.

В разговор включается Абдусаттар Жуад, член комитета, редактор газеты «Ас-Саур», критик:

— В критике определилось новое русло развития реалистических тенденций. В последние годы в литературе пришли молодые талантливые критики. Обладая требовательным, взыскательным вкусом, они высказывают серьезные мнения относительно выпускаемых книг, знают цену отживающему старому и нарождающемуся новому в государстве. По произведениям Белинского и Чернышевского учатся, как надо писать критические статьи. О познавательной силе русских романов говорить не приходится. Они для нас — великий урок и пример.

К нам подошел мужчина. Член комитета, секретарь, заместитель министра просвещения, к тому же известный поэт Али эль-Хэлли, — так представил его Фадель Самир.

Мы продолжили прерванную беседу.

— А женщины-писательницы у вас есть? — спросил я.

Али эль-Хэлли, чуть помедлив, сказал:

— Есть. Но очень мало. По пальцам пересчитать можно. А вот художниц больше: Назият, Лейла...

Слева от меня сидит писатель Ибрагим Ахмет. Издал три сборника рассказов. Настроен оптимистически.

— Жизнь налаживается, — сказал он. — Главное — терпение. У нас есть газета «Гарн кушак» — орган Коммунистической партии. Многие писатели-демократы сотрудничают в ней.

По просьбе иракских друзей я рассказал о казахской советской литературе наших дней. Поведал о Союзе писателей, об издательствах, о книгах наших литераторов, переводимых на многие языки мира.

Среди присутствующих два молодых поэта — Ауад Насыр и Халиль эль-Асади, которые до сих пор не принимали участия в разговоре. Они поинтересовались, как обстоит дело у нас в стране с поэзией молодых, как выходят их книги.

Говоря о молодом поколении, я сказал, что с каждым годом их становится больше, и привел несколько фактов. Когда же упомянул молодежное издательство «Жалын», выпускающее за год более двухсот произведений молодых авторов, то почувствовал оживление за столом.

— Какая тема у молодых? О чем они пишут? — спросил Ауад Насыр.

— Что велит сердце, о том и повествуют, — улыбнулся я.

— Не слишком ли возвыщенно прозвучал ваш ответ?

— Почему же? О мирной жизни пишут, о нашей советской действительности, в том, что они видят и чувствуют, о трудолюбивых людях.

Литераторы Ирака полны оптимистических планов и замыслов. Пожелаем же им успеха.

ТАЙНА ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Сегодня у нас особенно приподнятое настроение. И как же не радоваться, если направляемся в один из древнейших городов на земле — знаменитый Вавилон!

Вавилон от Багдада в шестидесяти километрах. Безграничая песчаная степь, безжалостно выдуваемая ветром, тянется до города Ескендрия. Здесь работают заводы по сборке различных механизмов и телевизоров, которые построены с помощью советских специалистов.

Неожиданно наша машина свернула с большака. Приехали! Голубые ворота виднеются еще издали. По краям они декорированы горельефами, изображающими диких животных, которые устремились вверх. Это движение подчеркнуто и формой сооружения, как бы парящего над землей.

И вот мы — в древнем городе. Здесь впервые были созданы необходимые для человеческого существования орудия труда, заложены начала искусства и наук, здесь же родилось рабство. Да, кто только не владел Вавилоном! Менялись времена и правители. Много раз разрушали древний город, и столько же раз он вставал из пепла. История его богата.

В те давние времена на этой территории жили аккадцы. На их языке слово «баб» означало «бог», «илю» — «ворота». Стало быть, само слово «Вавилон» означает «Божьи ворота».

Один из правителей племени — Шаркалишарри — оставил после себя записи, свидетельствующие о том, что город был основан за двадцать три века до нашего летоисчисления. В XIX веке до нашей эры к власти пришел Сумуабум. Он превратил город в столицу Вавилонского царства, а сам принял сан первого царя. В VIII веке город захватили ассирийцы, и царь Сипахериб подверг

его полному разрушению. Камня на камне не осталось — от средоточия древней культуры. Но через девять лет поработители восстанавливают полностью крепость. В VII—VI веках, в эпоху Нового Вавилонского царства, город переживает пору наибольшего расцвета. Этим обязан он правителю Навуходоносору II. В 538 году воскресший и обновленный Вавилон завоевывает персидский царь Кир. В 331 году им овладел Александр Македонский. В 312-м власть переходит к одному из полководцев Македонского — Селевку. Так, в течение двадцати одного века город переходил из рук в руки.

История крупнейшего центра культуры и торговли завершается за два века до нашей эры. Он пустеет, остаются одни развалины. Две тысячи двести лет город стоит заброшенный, пустой. Вавилоном, некогда изумлявшим мир своими достижениями в культуре, распоряжается теперь стихия. На месте величественных сооружений выросли песчаные барханы. Даже Евфрат, некогда протекавший у самых стен города, изменил русло.

Вернул Вавилон к жизни немецкий археолог Р. Колльдевей. С 1899 по 1914 год он производит раскопки на месте города и обнаруживает множество памятников старины, относящихся к временам Нового Вавилонского царства.

Было доказано, например, что Вавилон располагался по обеим сторонам реки Евфрат. Периметр городской черты составлял 8150 метров. Центр, где высился знаменитый храм Мардука, находился на восточный берег Евфрата. Ширина крепостных стен достигала трех, а местами — семи метров. Несмотря на такую обороноспособность, его все же завоевали. Возможно, отсюда и пошло выражение: «Нет крепостей, которых не берут».

Главная улица, по которой некогда молящиеся толпами направлялись к храму Мардука, называлась священной. Голубые стены расписаны желтыми и белыми изображениями львов, быков и еще каких-то, по-видимому, мифических животных. «Священная» улица ведет к воротам башни Иштар, пройдя которые, мы дошли до высокого кургана.

Место, на котором стоим, ранее носило название «висячих садов Семирамиды» — одного из семи чудес света. Здесь мы увидели лепное изображение льва, найденное, очевидно, под песками. Оно — частица древнего Вавилона. Рядом с курганом — не менее высокий и длинный

холм. Кто знает, какие сокровища затаились под ним? Ученые утверждают, что потребуется около двадцати лет, чтобы очистить Вавилон от песка.

Обозревая город, отдаешь должное гению человеческого ума. Есть гармоничное единство даже в этих отдельных отреставрированных частях городских сооружений. Как совершенны храмы, что устремились ввысь своими куполами! Еще в древние времена их минареты использовались как обсерватории. За восемь веков до нашей эры вавилонские астрономы умели заранее определять затмение солнца. А медицина? Именно Вавилон положил начало диагностированию недугов. Здесь впервые стали использовать для лечения травы. Древние местные лекари знали, что такое компресс, массаж.

Об устной литературе можно судить по образцам, сохраненным переписчиками. Так, сказание-хисса под названием «Эмеш и Энте» рассказывает о словесном поединке между скотоводом и дехканом.

В древности всех правителей в Вавилоне называли богами. Их прославляли в многочисленных сказаниях. Таковы «Хиссы о золотом веке», «Эпос о Гильгамеше». Гильгамеш — знаменитый в свое время бог-герой, проявивший небывалое мужество в боях с иноземцами. Известен он также и как градостроитель.

Здесь, на древней земле Вавилона, был составлен первый календарь. Именно в Вавилоне определили, что месяц состоит из 29 дней 12 часов 44 минут и 3,5 секунды. Разница с нынешним подсчетом составляет лишь 0,4 секунды. Подразделение одного часа на 60 минут, круга — на 360 градусов — также заслуга вавилонян. Они первыми ввели в употребление и деревянную соху.

На древней земле Вавилона изучались основы математики и химии. Появилась первая письменность.

А первые выложенные булыжником дороги? Мосты из надувных мешков? Первые весы? Пусть несовершенная еще, но все же первая карта земного шара?..

Нижайший поклон Ашшурбанипалу, который велел собрать все книги и открыл первую в мире библиотеку, где находились редчайшие манускрипты. Не благодаря ли ей человечество так глубоко осведомлено об истории Вавилона?

Много еще тайн у древнего города. Их предстоит открыть.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА	3
ВТОРАЯ ВСТРЕЧА	33
ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА	52
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АФГАНИСТАН	69
ОТКРОВЕНИЕ У МОРЯ	81
ПО ТУРИЦИИ	91
ТАМ, ГДЕ ТЕЧЕТ ТИГР	101

Аманжол Шамкенов

«НАМАСТЕ, ИНДОСТАН!»*

Переводчик Л. Касымхамедова

Редактор Г. Е. Тайшанова

Художники А. Р. Таленшаков

Художественный редактор Г. М. Горелов

Технический редактор А. Е. Аристова

Корректор Д. Н. Альбасов

ИЗ № 2209

Сдано в набор 4.03.83 г. Подписано к печать 20.10.83 г.
УГ № 20228. Формат 84×108^{1/4}. Бумага 75 г. Гарнитура «литературная». Введеная печать. Усл.печ. л. 528. Уч.-изд. л. 6,02.
Тираж 10 000 экз. Занес № 1348. Цена 55 тен.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан». Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 480124, г. Алма-Ата, проспект Абая, 143.

Полиграфомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Бітап». Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 480002, г. Алма-Ата, ул. Постера, 41.